

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

**О
ЧЁМ
ДУМАЛА
КОРОЛЕВА?**

Иерусалим
2011

Павел Амнуэль

О чем думала королева? (сборник)

«Млечный путь»

2011

Амнуэль П. Р.

О чем думала королева? (сборник) / П. Р. Амнуэль — «Млечный путь», 2011

Научная фантастика – меняющийся литературный жанр, идущий в ногу с развитием науки. Возникновение новых научных направлений рождает и новые научно-фантастические идеи, которые, в свою очередь, способны влиять на ученых и подталкивать их к новым открытиям. Одним из таких новых направлений как в науке, так и в фантастике, стала эвереттика – исследование многомирия, ветвящегося мироздания. С историей и особенностями эвереттического поджанра в фантастике познакомит читателя вступительная статья. Повести и рассказы, включенные в антологию, представляют различные направления в эвереттической фантастике: это фантастический детектив, философская и психологическая проза, юмористический рассказ. Эвереттическая фантастика – реалистическая литература многомирия.

© Амнуэль П. Р., 2011

© Млечный путь, 2011

Содержание

От составителя	5
Павел Амнуэль Многомирие в научной фантастике	6
Леонид Шифман	12
Предисловие	12
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Павел Амнуэль, Ольга Бэйс, Леонид Шифман, Юрий Кемист, Александр Бэйс

О чем думала королева?

От составителя

Перед вами сборник научной фантастики. Однако не той старой доброй НФ, которую современный читатель воспринимает как нечто архаичное, уходящее, относящееся к истории литературы. Произведения, включенные в сборник, принадлежат новому направлению в хорошо знакомом жанре – направлению, уже получившему название «эвереттическая проза». Эвереттика – наука о многомирии. Эвереттическая проза – область научно-фантастической литературы, исследующая художественными средствами жизнь человека в вечно ветвящемся мироздании.

О многомирии и его связи с научной фантастикой рассказано во вступительной статье к этому сборнику.

Леонид Шифман, автор повести «Плагатор», опираясь на идеи многомирия, разворачивает перед читателем увлекательный, насыщенный удивительными событиями сюжет. Многомирие здесь – повод к размышлениям и о вечных проблемах людей: о любви, верности, талантливости, порочности и о том, что могут принести в нашу жизнь новые представления о мироздании.

В повести Павла Амнуэля «О чем думала королева» эвереттика представлена в развитии новых необычных идей, она позволяет читателю заглянуть в близкое, но странное и непредставимое будущее. Гипотеза становится теорией, и мир меняется...

В пяти фантастических новеллах «Записки психоаналитика» Ольга Бэйс предлагает читателю самому использовать идеи эвереттики для понимания методов доктора Гриффса.

В рассказах Леонида Шифмана и Александра Бэйса идеи многомирия представлены в гротесковой и ироничной интерпретации. Это эвереттика с улыбкой.

Повесть Юрия Кемиста «Новые Горизонты» – произведение, которое, опираясь на интересные и непривычные эвереттические идеи, представляет читателю не новый, но очень редкий в современной литературе жанр научно-художественной прозы. «Новые Горизонты» требуют от читателя немалых интеллектуальных усилий. Эта повесть, как и остальные произведения сборника, предназначена для читателей думающих и получающих удовольствие от процесса мышления.

Подробнее об авторах сборника можно узнать на сайте: <http://milkywaycenter.com/>

Павел Амнуэль Многомирие в научной фантастике

В начале пятидесятих годов прошлого века физики были уверены в том, что наша Вселенная – единственная, что время одномерно и однонаправлено, и, хотя события вовсе не обязаны подчиняться механистической идее Лапласа, все равно развитие происходит по одной непрерывной мировой линии, а то, что этот процесс бесконечно сложно описать, так это проблема не мироздания, а наша, человеческая.

За полвека ситуация в физике изменилась кардинально. В 1957 году американский физик Хью Эверетт опубликовал статью, в которой дал новую, отличную от копенгагенской, интерпретацию квантовой механики. Физики знают, что уравнение Шредингера, описывающее движение элементарной частицы, имеет не одно, а по крайней мере два решения. То есть, в результате каждого акта взаимодействия частица может двигаться так, а может и иначе. До Эверетта физики полагали, что правильно какое-то одно решение, а остальные не имеют физического смысла. Иными словами, в момент взаимодействия частица выбирает, как в дальнейшем будет происходить ее движение. Свобода воли у электрона? «Нет, – утверждали физики, – конечно, никакой свободы воли у электрона не существует. Выбор траектории происходит случайным образом (электрон подбрасывает монетку и поступает в соответствии с тем, каким окажется жребий?), и в результате, понятно, реальность оказывается хотя и не полностью предсказуемой, но вполне однозначной».

«Это не так, – заявил Эверетт. – Если уравнение Шредингера имеет несколько решений, то реализуется не одно из них, а все без исключения». Это значит, что в момент, когда электрон должен сделать “выбор”, по какой траектории ему двигаться дальше, мироздание разветвляется, и возникает столько новых вселенных, сколько решений имело в данном случае волновое уравнение. И эти вселенные отличаются друг от друга лишь тем, что в каждой из них данный конкретный электрон движется по иной траектории. Сколько решений у уравнения – столько новых вселенных и возникает. Сто? Тысяча? Миллион?

* * *

Не о том ли писал в 1918 году Борис Пастернак в «Белых стихах»?

Он мог сказать: «Я знаю, старый друг,
Как ты дошел до этого. Я знаю,
Каким ключом ты отпер эту дверь,
Как ты взломал, как глядывал сквозь эту
И подсмотрел все то, что увидал»...

«Сто Ганских с кашлем зябло по утрам
И, волосы расчесывая, драло
Гребенкою. Сто Ганских в зеркалах
Бросало в дрожь. Сто Ганских пило кофе.
А надо было богу доказать,
Что Ганская – одна, как он задумал...»

* * *

И не эти ли принципы квантовой механики имел в виду Хорхе Луис Борхес, когда в 1944 году писал в рассказе «Сад расходящихся тропок»:

«Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отмечая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся...

В отличие от Ньютона и Шопенгауэра ваш предок не верил в единое, абсолютное время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен... Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего».

Писатели и поэты, похоже, всегда были лучшими пророками...

* * *

Эвереттовская интерпретация квантовой механики, разумеется, не сразу приобрела сторонников. История становления нового направления в физике – эвереттики – выходит за рамки статьи, скажу лишь, что в современной науке уже не является маргинальной идея многомирия, идея Мультиверсума, одной из составных частей которого является наша Вселенная (Универсум). Главное в идее Мультиверсума – проблема выбора. Выбор происходит не только при элементарных взаимодействиях, но и при любых физических процессах, огромное число которых происходит в Универсуме каждое мгновение, каждый момент времени. При такой трактовке ветвление мироздания происходит, в частности, и тогда, когда вы утром выбираете – выпить чай или кофе, когда по дороге на работу делаете выбор – перейти дорогу на красный свет или подождать зеленого. Вы выбираете – поспорить с начальством или стерпеть незаслуженный упрек, купить ребенку игрушку или новый костюмчик... И всякий раз, какой бы выбор вы ни сделали, Вселенная ветвится, и возникают новые ветвления Мультиверсума, в одном из которых вы пьете кофе, а в другом – чай. В одной ветви Мультиверсума вы дали начальнику отпор, а в другой стерпели. И если вы помните, что выпили утром кофе, то вам нужно также запомнить, что уже существует ветвь Мультиверсума, в которой вы пили чай.

Это выглядит фантастическим, но современная физика находит эвереттике и гипотезе Мультиверсума все больше доказательств. Нынешние космологические представления эвереттичны по сути, включая совершенно еще не разработанную гипотезу о существовании темной материи и энергии. Известный русский физик Андрей Линде, автор космологической теории инфляции, выступая в декабре в МГУ, говорил о Многомирии, как о прямом следствии своей инфляционной модели. С этим мнением согласны такие авторитеты, как Уиллер, Де Витт, Гелл-Манн, Дойч... Еще один российский физик М.Б. Менский опубликовал в «Успехах физических наук» ставшую затем популярной гипотезу о том, что реальность есть отображение с различных точек зрения единого кристалла бесконечно сложной формы: Мультиверсума. Этот символ получил в физике название «кристалла Менского». Другой российский ученый Ю.А. Лебедев, автор книги «Неоднозначное мироздание», ввел в обращение определение «склеек» – ситуаций взаимодействия двух или нескольких ветвей Мультиверсума. Развиваются даже идеи эвереттической истории, с которыми более детально можно ознакомиться на сайте Международного института эвереттических исследований:

<http://www.everettica.org/index.html>.

В конце прошлого века 58 % ведущих американских физиков считали, что трактовка Эверетта «правильная», 13 % полагали, что она «скорее правильная, чем ошибочная», и только

18 % отвергали возможность существования Мультиверсума. За прошедшие годы число приверженцев эвереттики лишь увеличилось. Лауреат Нобелевской премии, известный физик Стивен Вайнберг сказал во время одной из своих лекций: «О Мультиверсуме существует многообразие мнений, и точки зрения ученых значительно отличаются. В аэропорту Остина, по пути на эту встречу, я заметил на прилавке октябрьский выпуск журнала “Астрономия”, имевший на обложке заголовок: “Почему вы живете в множественных вселенных”. Внутри я нашел сообщение о дискуссии на конференции в Стэнфорде, где Мартин Рис сказал, что он уверен в реальности Мультиверсума настолько, чтобы держать пари на жизнь его собаки, в то время как Андрей Линде сказал, что готов держать пари на свою собственную жизнь. Что касается меня, то у меня достаточно веры в Мультиверс, чтобы держать пари на жизни и собаки Мартина Риса, и Андрея Линде».

* * *

Концепция существования иных миров, отличных от нашего, возникла в литературе в XVIII веке. Пример – «Кандид» Вольтера, где один из персонажей Панглос заявляет: «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Однако вплоть до XX века идея многомирия ни в фантастике, ни в науке развития не получила.

В 1895 году, том же году, когда была опубликована «Машина времени», Герберт Уэллс рассказом «Дверь в стене» открыл для фантастики существование параллельных миров.

Для литературы идея «Двери в стене» была столь же революционна, как идея Эверетта (высказанная 62 года спустя) для физики.

В 1910 году был опубликован рассказ русского автора Николая Морозова «На границе неведомого» – уэллсовская идея иномирия была повторена, но и в этом случае дальнейшего развития не получила.

В 1923 году Герберт Уэллс вернулся к идее параллельных миров и поместил в один из них утопическую страну, куда отправляются персонажи романа «Люди как боги».

Роман не остался незамеченным. В 1926 году появился рассказ Г. Дента «Император страны «Если», а еще два года спустя – «Катастрофа пространства» С. Красновского и «Бесцеремонный Роман» В. Гиригорна, И. Келлера и Б. Липатова. В рассказе Дента впервые возникла идея о том, что могут существовать страны (миры), история которых могла пойти не так, как история реальных стран в нашем мире. И миры эти не менее реальны, чем наш.

Персонажи «Бесцеремонного Романа» попадают в прошлое, вмешиваются в исторические события, в результате чего направление развития меняется, возникает иной мир, «боковая линия истории», отличающаяся от нашей.

В 1944 году Хорхе Луис Борхес опубликовал в своей книге «Вымышленные истории» рассказ «Сад расходящихся тропок». Здесь идея ветвления времени, впоследствии развитая Эвереттом, была, наконец, выражена с предельной ясностью:

«Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отметая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся...

В отличие от Ньютона и Шопенгауэра ваш предок не верил в единое, абсолютное время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен... Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего».

Несмотря на появление перечисленных выше произведений, идея многомирия начала серьезно развиваться в научной фантастике лишь в середине пятидесятих годов XX века, примерно тогда же, когда аналогичная идея возникла в физике.

Одним из пионеров нового направления в фантастике был Джон Биксби, предположивший в рассказе «Улица одностороннего движения» (1954), что между мирами можно двигаться лишь в одну сторону – отправившись из своего мира в параллельный, вы уже не вернетесь назад, так и будете переходить из одного мира в следующий. Впрочем, возвращение в свой мир также не исключается – для этого необходимо, чтобы система миров была замкнута, и где-то когда-то переход из мира N в мир N+1 вновь привел бы героя в мир № 1, тот, из которого он родом.

Научное исследование проблемы многомирия началось в 1957 году, когда американский физик Хью Эверетт III опубликовал тезисы своей докторской диссертации, названной «Формулировка квантовой механики через соотнесенные состояния». Причиной появления работы Эверетта стало давнее противоречие между двумя разными квантово-механическими формулировками – волновой и матричной. Эверетт это противоречие разрешил, и его исследование привело почти через полвека к появлению в физике концепции Мультиверсума.

В 1957 году (одновременно с диссертацией Эверетта) американский фантаст Филипп Дик опубликовал роман «Глаза в небе», действие которого происходило в параллельном мире, а в 1962 году – роман «Человек в высоком замке», ставший классикой жанра. Идея ветвления исторического процесса впервые здесь была разработана на высоком художественном уровне. Действие романа «Человек в высоком замке» происходит в мире, где Германия и Япония победили своих противников во Второй мировой войне и оккупировали США; восточная часть досталась Германии, западная – Японии.

В 1962 году был опубликован роман английского писателя Джона Браннера «Времена без числа» – о мире, в котором Испанская армада не погибла во время морского перехода, а благополучно добралась до берегов Англии, высадила десант и победила.

Идея параллельных и разветвляющихся миров оказалась не менее богатой в литературном плане, нежели идеи путешествия во времени и контакта цивилизаций. Однако, несмотря на огромное количество фантастических произведений о параллельных и ветвящихся мирах, на самом деле не так уж много (если не сказать – мало) таких, где предлагался бы качественно новый опыт, давалось бы новое, оригинальное объяснение тому или иному мысленному эксперименту. Идеи многомирия развивали в своих произведениях Клиффорд Саймак, Альфред Бестер, Брайан Олдисс, Рендалл Гаррет, в СССР – братья Стругацкие, Ариадна Громова и Рафаил Нудельман.

В романе Клиффорда Саймака «Кольцо вокруг Солнца» (1982) описаны многочисленные планеты Земля, существующие каждая в своем мире, но на одной и той же орбите, и отличаются эти миры и эти планеты друг от друга лишь незначительным (на микросекунду) сдвигом во времени. Многочисленные Земли, которые посещает герой романа, образуют единую систему миров.

Клиффорд Саймак неоднократно возвращался к проблеме параллельных миров – кроме «Кольца вокруг Солнца» можно упомянуть опубликованные ранее роман «Вся плоть – трава» (1965) и рассказ «Пыльная зебра» (1954), ставший «прародителем» множества аналогичных произведений других фантастов, ничего по сути к идее, высказанной Саймаком, не добавивших.

Любопытный взгляд на ветвление миров высказал Альфред Бестер в рассказе «Человек, который убил Магомета» (1958). «Меняя прошлое, – утверждал герой рассказа, – меняешь его только для себя». Иными словами, после изменения прошлого возникает ответвление истории, в котором лишь для персонажа, совершившего изменение, это изменение и существует. В дальнейшем, несколько десятилетий спустя, идея «личного прошлого» пришла и в физику – как обычно, не из фантастики, а в результате развития эвереттических идей и гипотез.

В 1962 году был опубликован роман советских авторов Ариадны Громовой и Рафаила Нудельмана «В институте времени идет расследование» – классический фантастический

детектив, действие которого начинается с убийства научного сотрудника. Сыщик расследует преступление, которое невозможно понять, не осознав, что время ветвится, что каждое новое изменение в прошлом порождает новую ветвь мироздания – старое и новое существуют независимо друг от друга. Именно так и описывал ветвление волновых функций Хью Эверетт III пятью годами ранее – однако для фантастики произведение Громовой и Нудельмана было новаторским – именно в нем впервые идея ветвления была перенесена с микро– на макро-уровень.

В повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (1962) описаны путешествия персонажей в разные варианты описываемого фантастами будущего – в отличие от уже существовавших в фантастике путешествий в различные варианты прошлого.

В 1968 году английский фантаст Брайан Олдисс опубликовал роман «Доклад о вероятности А». Это произведение действительно построено в форме научного доклада, написанного различными наблюдателями, следящими каждый из своего мира за событиями, происходящими в мире параллельном. Каждый из миров назван «вероятностью», поскольку каждый возник как осуществление с некоторой вероятностью некоего события, возможного в каждом из этих миров.

Шестидесятые годы прошлого века стали временем интенсивной разработки идеи многомирия в самых разных ее вариантах. Это и параллельные миры, развивающиеся независимо друг от друга, это и миры, развивающиеся независимо, но связанные друг с другом множеством подпространственных переходов, это миры, друг из друга вытекающие, как ручьи... Трудно назвать фантаста шестидесятых-семидесятых годов, кто не написал бы романа, повести или хотя бы рассказа на тему о многочисленных вариантах нашего мироздания, о возможности прожить несколько альтернативных жизней, а человечеству – пережить множество альтернативных исторических событий.

По большей части это были миры, физически от нашего мира мало отличавшиеся – варьировались поступки героев (напр., «Лавка миров», 1959, и «Три смерти Бена Бакстера», 1957, Роберта Шекли), человеческие судьбы (напр., «Дракон» Рэя Брэдбери, 1955) и судьбы целых народов (напр., в романе «Трансатлантический туннель, ура!», 1972, Гарри Гаррисон описал мир, в котором Джордж Вашингтон был убит, а потому американская революция не состоялась). Развилки во времени, менявшие историю Земли, происходили в далеком прошлом, когда нашу планету населяли динозавры (трилогия об Эдеме Гарри Гаррисона, 1984–1988), и в прошлом недавнем («Гамма времени» Александра и Сергея Абрамовых).

Развилки и ветвления могут приводить к самым неожиданным последствиям. В цикле романов Рэндалла Гаррета «Слишком много волшебников» (1966) развилка произошла в средние века, когда люди интересовались магией, волшебством и сумели направить развитие цивилизации по принципиально иному пути. Не наука получила право на жизнь, а магия, и к XX веку в Англии совершают преступления и разгадывают детективные загадки маги и волшебники, пользующиеся потусторонними силами так же легко, как в нашей «вероятности А» мы пользуемся простыми физическими законами.

Влияние Мультиверсума (гомеостатического мироздания) на судьбы людей показано в повести советских фантастов Аркадия и Бориса Стругацких «За миллиард лет до конца света» (1977). К альтернативной истории человечества братья Стругацкие обратились в повести «Отягощенные злом» (1988).

Из других произведений российской фантастики, связанных с многомирием, можно назвать роман Андрея Лазарчука «Иное небо» (1994). Историческая развилка здесь та же, что уже была «исследована» Филиппом Диком в романе «Человек в высоком замке» – Вторая мировая война заканчивается победой Германии, Россия завоевана, действие романа Лазарчука происходит много лет спустя после той «исторической победы». Интересен роман Андрея Валентинова «Капитан Филибер» (2007) – первый русскоязычный роман, где дана прямая ссылка на эвереттику.

Интересен цикл альтернативно-исторических романов Хольма Ван Зайчика (2000–2005). Ван Зайчик – это псевдоним двух российских писателей – рассматривает историческую развилку, произошедшую в годы завоевания Руси татаро-монголами.

В американской фантастике интересен роман Дина Кунца «Краем глаза» (1999). Развитие идеи многомирия состоит здесь в возможности взять из ИДЕИ каждого мира понемногу – так, чтобы там это оказалось незаметно, а здесь получить результат. Аналогичная идея, впрочем, высказывалась и ранее в повести израильского фантаста Павла Амнуэля «Каббалист» (1998).

Одна из концепций Мультиверсума показана в романе Павла Амнуэля «Тривселенная» (1999) – существование трех параллельных вселенных, одна из которых материальна, другая состоит из нематериальных идей, а в третьей законы природы позволяют идеям переходить в материальную форму, а материи – обращаться в идеи.

Среди недавних произведений на тему многомирия можно назвать веселую комплексную Трилогию Шредингеровского Кота вокруг истолкований квантовой физики, написанную Робертом Вильсоном. Первая книга («Вселенная по соседству») рассматривает различные характеристики многомирия, второй том («Хитрая шляпа») соединяет их сквозь нелокальность и третья часть («Почтовые голуби») размещает их в созданной наблюдателем вселенной.

Научно-фантастическая литература часто описывает еще не осуществленные научные проекты, еще не сделанные открытия и идеи, еще не вошедшие в ареал науки. Примеров тому достаточно много (голография, лазеры, клонирование и пр.), один из них – предвидение идеи многомирия и описание этой идеи и многочисленных следствий из нее для человеческой цивилизации.

Фантастика предвидела появление эвереттизма, эвереттизм же, утвердившись в физике, позволяет прийти к выводу об онтологической ценности всякой литературной фантазии, поскольку в результате практически бесконечного количества ветвлений мироздания, произошедших после Большого взрыва, в Мультиверсуме могут существовать (и, скорее всего, реально существуют) все или большая часть описанных фантастами (и, тем более, авторами-реалистами) универсумов. В этом смысле фантастическая литература, создаваемая авторами в нашей Вселенной, может быть (и, скорее всего, действительно является) сугубо реалистической прозой в другой части Мультиверсума. Многомирие изучается сейчас уже не только в рамках физики (эвереттизм) или фантастической литературы. Осознанием и описанием многомирия, как фундаментальной характеристики бытия, занимается эвереттика – область философии, столь же новая, как эвереттизм в физике.

Эвереттическая проза – реалистическая литература Многомирия.

Леонид Шифман Плаггиатор

Предисловие

Я поставил точку.

Каждый, кому хоть раз довелось писать повесть или что-нибудь подобное, знает, что означает поставить последнюю точку в последнем предложении. Это как последний вздох любимых героев, уже живших своею жизнью и диктовавших автору свои поступки. Их жизнь в пространственно-временном континууме повести или, говоря попросту, на ее страницах, окончена. Автор им больше не принадлежит. Но для автора, освободившегося от волюнтаризма своих героев, жизнь продолжается.

Ему еще предстоит пробежаться по строчкам повести, подправляя диалоги, рассыпая по тексту только что пришедшие на ум метафоры, удаляя надоедливую шелуху слов-паразитов. А затем дать ей вылежаться, чтобы как следует забыть о ее существовании, а заодно забыть все те слова и эпитеты, которыми награждал себя, как тычками подгоняют ленивую скотину.

Потом, спустя какое-то время, может, через две недели, а может, два месяца, что-то щелкает в голове, ты находишь в компьютере нужный файл и с удивлением перечитываешь свою повесть. И самое удивительное, это не мириады ошибок, откуда-то взявшихся за время ее лежания в долгом ящике рабочего стола, а то, что это твоя повесть, и она не столь плоха, как ты полагал, ставя в ней последнюю точку.

Теперь самое время подумать о читателях. Ведь каждый писатель хочет, чтобы они у него были. Дорога к читателям проходит через издательство. Другого пути нет. Печатающий книгу за свои деньги должен помнить, что ему придется подарить больше, чем продать. Ведь теперь он не сможет заявить друзьям, что авторские экземпляры давно закончились. Да и вообще, пусть каждый занимается своим делом – собака лает, ветер носит, а караван идет вперед.

«Рассел и сыновья» уже выпустили четыре мои книги, и я не сомневаюсь, что взяли бы и за эту. Но платят они... Нет, об этом я лучше помолчу. Поэтому, прежде чем послать новую повесть Расселу и его многочисленным сыновьям, я посмотрел новости сайта ассоциации издателей. Издательский дом «Флагман», что-то новое. Ого! Гонорары в два раза выше, чем у Рассела! Чем черт не шутит. Решено, начну-ка я с «Флагмана». Если согласятся взять, вот тогда и начну выяснять, что это за флагман такой и куда он плывет.

В это почти невозможно поверить: ответ из «Флагмана» пришел на следующий день. Вот, что значит молодое издательство, не успевшее заостенеть и обрасти жирком! Он гласил: «Благодарим Вас за предложение. Мы ознакомились с любезно присланным Вами синопсисом. Не сомневаемся, что Ваша повесть станет замечательным подарком для наших читателей. Проект договора прилагается». Коротко и ясно. Автор сего текста укрылся за инициалами Дж. Г., что вызвало у меня некоторое недоумение. Но по настоящему я удивился, когда ознакомился с договором. Этот договор ничем не отличался от общепринятого стандарта, кроме одного пункта. Тут мне пригодилась моя природная наблюдательность: был опущен пункт, в котором обычно издательство обязуется издать книгу. Вот тебе и на...

Я человек прямой, даже произвожу впечатление чрезмерно колючего. Я не стал долго размышлять на тему, пропущен этот пункт умышленно или некий Дж. Г. просто прозевал его – я переадресовал вопрос «Флагману».

На этот раз ответ пришел через день. «Нет, – писал мне все тот же Дж. Г., – издательский дом “Флагман” не гарантирует издание книги, но гарантирует выплату гонорара сразу же по получении полного текста повести». Вот так. Опять коротко и опять ясно.

Передо мной встала дилемма. Мне предстояло решить, что для меня важнее: заработать или добраться до читателя. Получить деньги можно хоть завтра, но тогда читателям придется ждать пять лет. Именно на такой срок «Флагман» просил эксклюзивные права. Впрочем, я не сомневался по личному опыту, что можно ограничиться и четырьмя годами: как правило, в этом пункте издательства идут на уступки. Но не нравился мне этот «Флагман». Что это за издательство, что это за бизнес, который платит большие деньги и... все? Нет, что-то здесь нечисто.

Я вспомнил свою бабушку Лауру, благословенна ее память. Она любила повторять: «Если тебе предлагают выбрать между помидорами и огурцами, выбирай... салат!» Я вегетарианец и ничего против салата не имею.

Я послал повесть во «Флагман» и получил гонорар. Для порядка подождал с полгода, но никаких признаков жизни за это время издательский дом не подал, и тогда я, в нарушение договора, послал повесть Расселу. Почему-то я уверен, что никаких последствий это иметь не будет. Конечно, мне пришлось рассказать все Расселу-старшему, но он, будучи не слишком щепетильным в подобных делах, ограничился требованием письменных гарантий, что всю ответственность я беру на себя. Странно, что он не снизил мне гонорар.

А вот и повесть.

Глава 1

Пронзительный полицейский свисток настиг Джека, перекидывающим ногу через хребет старенького «кавасаки». От неожиданности он задрожал в унисон с мотоциклом и чуть не перелетел седло. «Кавасаки» злобно заревел и встал на дыбы. Джек поддал газу, и железная кобылица рванулась вперед.

До спасительной лестницы Джеку оставалось футов сто двадцать. С перепугу он чуть не проскочил мимо. При резком повороте мотоцикл занесло и развернуло на лишних градусов сорок, так что Джек с трудом проскользнул между огромными каменными шарами, преграждавшими въезд на лестницу четырехколесному транспорту. Джек успел бросить взгляд на двух копов, бегущих вслед за ним. Но разве им угнаться за мотоциклом?! Даже таким старым, как этот бедняга «кавасаки», которого Джек позаимствовал утром на рынке, пока его владелец торговался с продавцом помидоров. А стрелять копы не посмеют: слишком много народу на улице в этот час.

Лестница вела к морю. Двенадцать пролетов по полсотни гранитных ступеней. Каждая ступень считала своим долгом дать Джеку добрый пинок под зад. В его планы не входило пересчитать все ступеньки – после пяти-шести пролетов Джек собирался свернуть вправо и проехать футов семьсот по узким переулкам нижнего города до места, где его поджидал собственный форд.

Очередной особо сильный пинок заставил его вспомнить счастливо-беззаботное детство, проведенное на ферме в Техасе, где он иногда объезжал диких мустангов. Но насладиться воспоминаниями Джеку не пришлось: только сейчас он заметил, что на всех парах несется навстречу толпе, поднимающейся по лестнице.

Свернуть было некуда: толпа растеклась по всей ширине каменных ступеней. Люди двигались вверх, плотно сомкнув плечи. В руках они держали флаги и транспаранты. Джек успел прочесть лишь один, самый большой, который несли двое атлетически сложенных негров. Он гласил: «Мир, пиво, секс!»

А вот выругаться Джек не успел. До демонстрантов оставалось не более двадцати футов. Он надавил на тормоз. Железная кляча взбрыкнула, но остановила свой бег, повалившись набок. Джек вылетел из седла, как из пращи, и на полной скорости угодил в «пиво». Ткань транспаранта оказалась неожиданно прочной и даже не порвалась, но атлеты не смогли удержать его древки в руках. Джек, запутавшись в силках мира, пива и секса, свалился как снег на головы демонстрантам. К их счастью, транспарант полностью погасил скорость падения Джека.

Из объятий мира, пива и секса Джек выбрался с минимальными потерями: куда-то укатился мотоциклетный шлем и слетели защитные очки. Но он уже не нуждался в них.

Негры подхватили свою ношу, и демонстранты продолжили восхождение. У Джека не было выбора: толпа влекла его за собой навстречу копам, собравшимся у выхода на площадь. Но узнать Джека без очков и шлема в этой тысячеголовой толпе, тысячей ртов скандирующей свои лозунги, было невозможно. Джек сообразил это и что есть мочи заорал:

– Мир, пиво, секс!

Ему решительно нравился этот клич. Особенно заключительная часть!

Демонстрация выплеснулась на площадь, запрудив все проходы и проезды. Только оказавшись перед зданием, где располагался Дж. П. Морган Чейз Банк, Джек сунул руку под куртку и с облегчением обнаружил в целости и сохранности битком набитый мешок, надежно притороченный к поясу.

Митинг длился чуть дольше получаса, пока не начал капать мелкий осенний дождик. Раздались хлопки вскрываемых банок с пивом, припасенных для этого момента, и ликующая толпа растеклась во все стороны по примыкающим к площади улицам. Кто-то из добро-

хотов, смотрящий на мир выпученными глазами, сунул Джеку банку «бада». Пиво оказалось теплым и противным, но выкинуть банку он не посмел, посчитав это плохой приметой. Через силу потягивая его, Джек без приключений добрался до своей машины...

Жены не было дома, на что и рассчитывал Джек. Утром он отвез ее на железнодорожный вокзал. Раз в месяц она навещала свою мать, доживавшую свой век в частной клинике в Бредлоу.

Они снимали небольшую квартирку недалеко от Чайна-тауна, в шумном и грязном, но дешевом районе. Большого они не могли себе позволить. Пока.

Очутившись в холле, Джек первым делом отстегнул от ремня полотняный мешок и пересчитал деньги – полмиллиона с лишним, очень даже неплохой улов! Все-таки Джулия молодец! Джек с теплотой подумал о жене, что в последнее время случалось все реже и реже, хотя их браку было всего около четырех лет.

Место для хранения денег Джек приготовил заранее. Он принес с балкона стремянку и достал с антресолей старую коробку из-под пылесоса. Вытащил из нее пенопласт и небрежно вывалил в нее добычу, прикрыв сверху мешком и пенопластом. Затем отправил коробку обратно на антресоли. Унося лестницу, Джек задел дверцу массивного сейфа, стоящего у стены. Сейф принадлежал хозяину квартиры – перевозить такую махину ему не хотелось. Но и Джеку с Джулией хранить в нем было нечего, кроме грязного белья. Конечно, сейф – самое подходящее место для денег, но Джулия наверняка обратила бы внимание на то, что сейф заперт. А признаться Джулии Джек не мог – она не поймет. Чистюля! На таких, как она, держится мир.

Ей он скажет, что устроился на работу. Теперь он, Джек Говард, страховой агент из «Феникса». Эта должность позволяла ему хорошо одеваться и иметь свободное расписание. Теперь он сможет навещать крошку Патрисию, когда ему заблагорассудится, не опасаясь допросов жены. Ах, Патрисию... А почему только Патрисию? Теперь он богат и сможет позволить себе больше удовольствий.

– Мир, пиво, секс! – замурлыкал Джек и проследовал в душ.

«Все-таки Джулия молодец, – снова подумал Джек, массируя голову под струями горячей воды. – Как здорово она написала, и глазища у банкирши оказались в точности, как в романе Джулии – большущие и изумрудные! Красивые глаза, между прочим. Вот бы...»

Джек вспомнил записку, которую он просунул в окошко кассы и усмехнулся: «Пистолет настоящий, он стреляет. Никаких шуток! Наполните мешок!» Женщина с изумрудными глазами и не думала шутить: у нее на этот счет имелись строгие инструкции. Она без особого удивления и интереса посмотрела на Джека и на игрушку, которую он держал в правой руке так, что она была видна лишь кассирше. Пистолет Джек пронес под мышкой, как это сделал и Кларенс Джулии. Разглядеть грабителя служащая банка не могла. Он надежно укрылся за белым мотоциклетным шлемом с козырьком и дымчато-синими очками. Она молча выполнила требование Джека. В романе Джулии банкирша произнесла: «Хорошо, сейчас». Вот и все отличие. Джек сунул в окошко еще одну записку: «Не вздумайте поднять шум прежде, чем я выйду из банка! И верните мне обе записки!» и, получив свои записки, не оборачиваясь, быстро пошел к выходу. Как и в романе, зеленоглазая банкирша выполнила и это требование Джека.

Джек подумал, что Джулия вполне могла пройти по банку и списать свою банкиршу с реальной. Так что напрасно он удивляется их внешнему сходству. Нет сомнений, что Джулия прогулялась по лестнице, по которой ее Кларенс скакал на украденной «хонде».

Все прошло как по маслу. Правда, полиция появилась раньше, чем в романе, но ведь копы, в отличие от Джека, не имели возможности прочитать роман Джулии и ничего не знали о маршруте бегства.

Джеку сопутствовала удача: ведь все могло кончиться иначе. Эта чертова демонстрация! Не успеет он затормозить, его бы растерзали на месте. А так он даже не ушибся. Затеряться же в толпе сам бог велел. Может, эта демонстрация ниспослана ему свыше?

«Надо бы поделиться с Джулией. Она это заслужила», – решил Джек. Он подарит ей... Джек немного подумал, выдавливая на ладонь шампунь. Он подарит ей посудомоечную машину! С первой зарплатой! Джек расхохотался так, что мыльная пена затекла ему в рот. Вкус мыла напоминал теплый «бад». Джек отплевывался, пока вкус дармового пива не перестал его мучить.

Как обрадуется Джулия! К тому же она перестанет пилить его. Джек теперь солидный клерк солидной компании. Джулия, наконец, начнет его уважать. А еще он подарит Джулии компьютер, столик под него и вращающееся кресло. Пусть ей будет удобно писать свои романы, может, придумает еще что-нибудь стоящее!

Но... Что будет если этот роман Джулии с претенциозным названием «Калифорния, как она есть» опубликуют? Что тогда? Ведь наверняка найдется умник, который обратит внимание на то, что ограбление банка в романе полностью совпадает с описанием реального происшествия, которое непременно попадет на страницы всех сегодняшних вечерних газет. Следовало об этом подумать раньше. Впрочем, нет. Ничего страшного не произойдет. Все решат, что это Джулия использовала газетные материалы при написании романа. Ведь когда еще его опубликуют. Да и вообще, кто сказал, что первый роман начинающей писательницы возьмут и опубликуют? Не такой уж это шедевр, черт возьми. Ну, может, в каком-нибудь женском журнале смилостивятся над ней, искромсают роман до неузнавания, сократят, выкинут самое интересное и опубликуют по частям. Так что, может, даже текст записок изменят.

Джек успокоился, выключил воду, нашел на полке полотенце и принялся промокать голову. Протерев глаза, он уставился в зеркало.

– Привет, – сказал Джек и помахал своему отражению рукой.

Отражение молча помахало в ответ.

Джек вытирался и с удовольствием рассматривал себя в зеркале. Короткие черные волосы, залысины, карие глаза, чувственные губы. Жаль, пришлось расстаться с усиками: Джек их сбрил неделю назад, чтобы избавиться от особых примет. Обильная растительность на груди, ну просто мачо. Даже брюшко, которого в двадцать девять могло бы и не быть, не смутило его. Ну и то, что ниже него, ничем не разочаровало Джека.

Оставшись довольным осмотром, Джек достал из холодильника жареную курицу и записал ее в микроволновку. Дождавшись сигнала, он, энергично орудуя ножом и вилкой, извлек курицу из печи и водрузил на тарелку.

– Жизнь прекрасна! – сказал Джек и перерезал курице горло...

Глава 2

Поздняя осень в Бредлоу – самый замечательный сезон. Такого буйства красок здесь нет ни в одно другое время года, даже весной, когда ровная зелень травы нарушается тут и там появляющимися на свет анемонами. Осенью деревья облачаются в бурые, желтые, ярко красные наряды. То же самое творится и под ногами. Джулия с удовольствием проделала пешком путь в полторы мили, отделявший железнодорожную станцию от лечебницы.

Частная лечебница Рубинштейна занимала три старинных усадьбы, расположенных в шахматном порядке среди вековых деревьев, верхушками так далеко отдалившихся от земли, что земные проблемы перестали их касаться.

Миссис Маргарет Лестер жила здесь второй год. Гуляла по парку, пряталась в тенистых аллеях с книжкой, а во время, когда болезнь ненадолго отпускала ее, помогала доктору Рубинштейну и его ассистентам. Ведь до недавнего времени она преподавала психологию в одном из университетов.

Болезнь началась внезапно лет пять назад. Маргарет впала в ступор. Неподвижно сидела в холле своей небольшой уютной квартиры, уставившись в одну точку. Внешний мир на время покинул ее. Когда же он вернулся, нерастраченные силы привели ее в буйство: она перевернула все вверх дном. Выплеснув всю энергию наружу, Маргарет двое суток обессилено лежала. К счастью, Джулия приехала на каникулы и помогла матери потихоньку прийти в себя.

Подобные приступы повторялись сначала раз в год, затем все чаще и чаще... В конце концов, по настоянию врачей ее, еще совсем не старую женщину, лишь недавно отметившую пятидесятилетие, определили в лечебницу Рубинштейна, где ей был обеспечен надлежащий уход. Муж Маргарет, Герберт Лестер, оставил ей приличное наследство, так что лечебница не стала непосильным бременем для Маргарет и ее дочери.

Джулия навещала мать раз в месяц, стараясь выбрать время, когда Маргарет сохраняла ясное сознание. В эти периоды о болезни Маргарет напоминали лишь черные круги под глазами. Она реагировала адекватно, проявляла ненапускной интерес к жизни и даже пыталась писать научные статьи. Ее навещали бывшие ученики, и она вела с ними долгие беседы, обсуждая последние новинки в психологических журналах, которыми ее в большом количестве снабжала доктор Женни де Кастро, ассистентка, непосредственно занимающаяся Маргарет.

Визиты дочери также поддерживали Маргарет. Она живо интересовалась семейными проблемами Джулии, которые наслаивались, как снежный ком. Главную проблему Джулии звали Джек.

Джулия была откровенна с матерью: обманывать или что-либо утаивать от нее не имело смысла. Маргарет чувствовала фальшь лучше, чем натренированная собака чует взрывчатку или наркотики. И Маргарет обладала тактом. Она никогда не переходила границы дозволенного, хотя постоянно балансировала на ней. У Джулии не было причин обижаться на мать.

Но в этот визит все было иначе. Джулия чувствовала жуткое напряжение при мысли, что мать начнет расспрашивать про Джека. «Как там твой Джек?» – непременно спросит мать, и Джулия взорвется...

– Как поживает твой Джек? – спросила Маргарет, когда они с Джулией обосновались на заброшенной скамейке в самом удаленном углу парка.

Было прохладно. Джулия укрыла мать теплым пледом и подоткнула концы. Она решила, прежде чем ответить, досчитать до двадцати. А потом еще до десяти.

– Мне кажется, я скоро созрею для развода, – как можно спокойнее произнесла Джулия.

– А Джек?

– Что Джек?

– Как к этому отнесется Джек?

– Ему придется смириться. Есть вещи, которые жена может решать самостоятельно. Только не говори мне, что ты знала это заранее.

– Не буду, раз тебе это известно.

– Он не создан для семейной жизни. Никакой ответственности. Скачет по жизни, как заяц. За все хватается, ничего не доводит до конца. Сколько работ он сменил за эти годы...

– Где он удержался дольше всего?

– Дома! Уже пять месяцев не работает. Ломаного цента в дом не принес. Сидит на моей шее.

– Значит, ты позволяешь. Не корми его. Голод – хороший учитель.

– Может быть. Хорошо бы. Но говорят, что учитель приходит, когда ученик готов.

– И наоборот.

– Лучше я разведусь, пока у нас нет детей, – со злобой в голосе сказала Джулия.

– Тебе только двадцать шесть. Ты молода и красива. У тебя все впереди, дочка! – благоговела ее мать.

Пошел дождь. Его капли не доставали Джулии и Маргарет, надежно прикрытых широкими листьями вязов и платанов, но воздух сделался настолько влажным, что обоим захотелось спрятаться в теплом помещении. Дождавшись, когда дождь ослаб, мать и дочь укрылись в корпусе лечебницы, где находилась столовая. Раздобыв горячий чай, они еще немного поболтали о том о сем.

Дождь перестал, но судя по серому небу, не навсегда. Джулия решила воспользоваться паузой, чтобы добраться до станции. Ей повезло: доктору де Кастро надо было в город, и она предложила Джулии подбросить ее до поезда.

Поезду не пришлось ждать Джулию. Увидев его на платформе, она перешла на бег и влетела в вагон за пару секунд до отправления поезда. Пассажиров было немного. Отдышавшись, Джулия устроилась у окна. Ей предстояла полуторачасовая поездка в отдающем хлоркой вагоне.

Даже под монотонный перестук вагонных колес Джулия не смогла уснуть. К тому же ее мучила проблема по имени Джек. Не стоит обманывать себя – отношения с Джеком всегда представляли проблему.

Джулия относилась к тому типу людей, которые учатся только на своих ошибках. И поэтому совершают их не мало. Все ее подруги в один голос утверждали, что Джек ей не пара. Джулия, красивая шатенка с томными глазами, чуть выющимися длинными волосами, знала о своей привлекательности. Ее талия и пышные формы не отвечали критериям модельного бизнеса, но зато нравились подавляющему большинству мужчин. У нее не было проблем в отношениях с противоположным полом, у нее вообще не было проблем, пока она не повстречала Джека.

Джека можно понять. Он увидел ее на университетской вечеринке и сразу вспыхнул. Но что она нашла в этом двадцатипятилетнем балбесе, давно отчисленном из университета за низкие показатели в учебе, а теперь промышляющем наполнением баков на автозаправке? Даже у Джулии нет ответа на этот вопрос. Отбиваясь от нескончаемых наскоков подруг, она сказала как-то: «Просто, я приняла вызов судьбы». Остановимся и мы на этой версии.

С упрямством, не достойным никакого применения, вопреки здравому смыслу и советам подруг, она, презрев традиции, сделала предложение Джеку, повергнув того в замешательство и страх. Еще никто не делал такого предложения ему, Джеку Говарду. Боб Стефенсон не в счет. Джек всегда считал себя дамским угодником, но ни одна из его женщин не предлагала ему жениться на ней. Но ни одна из них не имела форм Джулии... О содержании Джек не думал: он все равно не мог его толком оценить.

Это был вызов и для Джека. Он метался, советовался с друзьями, даже с Бобом Стефенсоном. Мнения разделились. Боб и все подружки Джека советовали жениться на Джулии, а

все остальные рекомендовали... ограничиться обещаниями! Он не знал, как ему поступить. И потому поступил как всегда: принял предложение дамы.

Любопытно, что Маргарет легко восприняла выбор дочери и воздержалась от каких-либо комментариев. Джулия оценила это по достоинству.

Училась Джулия на педагогическом факультете, через год ей предстояло вновь переступить порог школы, на этот раз с указкой в руке, и научить детей английскому языку и американской литературе. Так почему бы не попрактиковаться на великовозрастном недоучке, не отличавшемся дядюшку Римуса от дядюшки Тома?

Свадьбу решили не играть. Джулия опасалась бойкота подруг, а у Джека не было друзей. Они просто зарегистрировали брак в мэрии и на выходные поехали навестить Маргарет.

Маргарет приняла Джека приветливо, хорошо справляясь с новой для себя ролью милой тещи. Милая теща не лезла в душу, не задавала каверзных вопросов, не ставила зятя в неловкое положение. Зато вкусно кормила и рассказывала смешные истории из своей психологической практики. Джек поначалу сильно стеснялся, не мог связать трех слов, но затем освоился и даже рассказал вполне приличный анекдот и к месту.

А потом – поездка в Техас. Отец Джека учил Джулию кататься на лошади, а мать – отличать спелые огурцы от перезревших. Родители Джека со всей душой одобрили выбор Джулии. Но закончилась поездка печально: она объелась огурцов со всеми вытекающими последствиями. Несколько дней Джулия не рисковала отдаляться от дома более чем на сотню футов.

Первый год их семейной жизни не был лучшим, как это часто случается, но и не привел к разрыву. Джек и Джулия, энергично обмениваясь пинками, притирались друг к другу.

Джек находил утешение у подружек, спуская пар. А Джулия принимала их скандалы за очередной вызов, работала над собой и какое-то время наслаждалась миром в семье. Что касается наслаждений, то Джек умел не только их получить, но и доставить своей партнерше.

Джулия не досталась Джеку девственницей, и ей было с кем сравнить его мужские прелести. Надо отдать должное Джеку – почти все сравнения были в его пользу. Уже первыми прикосновениями, ласковыми поглаживаниями Джек отправлял Джулию в полет в неведомые выси. Она утрачивала представление о времени и пространстве и наслаждалась полетом, а когда ей казалось, что Джек, парящий рядом с нею, вот-вот пойдет на посадку, тот прибавлял обороты, доводя Джулию до полного неистовства. Джулия кричала так, что Джек прикрывал ей рот рукою, опасаясь, что соседи прибегут вызволять его законную супругу из лап напавшего на нее злодея.

В день, когда Джулия приступила к работе в школе, Джек ушел с бензоколонки. Джулия не придавала значения этому совпадению, но спустя несколько лет она уже не считала это совпадением.

Финансовых проблем они не знали. Джулия истратила на учебу лишь половину отцовского наследства. Но на зарплату начинающего учителя особо не разбежишься. Джек ушел с работы якобы потому, что хозяин бензоколонки издевался над ним. Теперь он искал работу: пропал на весь день, а когда возвращался домой, от него несло дешевым вином или пивом.

От Бетти Хэмилтон, своей лучшей подруги, Джулия узнала, что в колледж, где работает брат Бетти, требуется сторож. На этой работе Джек продержался чуть больше двух месяцев, а затем перестал там появляться, скрыв это от жены. Весь день где-то болтался, а к запахам Джулия уже привыкла. Джек менял работу за работой. Дольше всего он продержался в морге. Там он мог позволить себе выпить в обеденный перерыв: никого не смущал запах алкоголя, исходящий от него. Джек продержался бы там и год, но как-то перепутал покойников, и выдал семье для похорон не того, кого следовало. Те похоронили чужого дядьку. А потом пришла другая семья, а ее покойника нет. Поднялся шум, а когда разобрались в чем дело, разразился скандал. С Джека содрали десять шкур и выпихнули из морга еле живым.

Джулия тоже не сидела на месте. Сменив пару школ, она поняла, что преподавание – это призвание, а у нее такового нет. В школе ей неинтересно, и она мучается там. А значит, мучает и детей. Этого она не могла себе позволить ни за какие прибавки к жалованью. Но любовь к языку и литературе осталась. Джулия начала писать рассказы. Бетти, работавшая редактором литературного отдела в журнале мод, пристраивала их у себя. Джулия решила публиковаться под своей девичьей фамилией, справедливо полагая, что она ей дана раз и навсегда.

Модницам нравились опусы Джулии, и они забросали редакцию журнала положительными отзывами. Главный редактор вызвал Джулию и предложил заключить договор на двенадцать рассказов – год Джулии Лестер.

И Джулия решилась. Она оставила школу с намерением посвятить себя литературе. Конечно, первое время на литературные гонорары не проживешь, а на мужа, как Джулия уже успела убедиться, надежды не было никакой. Но еще оставались деньги от отцовского наследства. Это давало Джулии возможность развить первый успех и попробовать закрепиться на новом поприще.

На написание рассказов Джулия не тратила много времени. При одном только виде чистого листа бумаги Джулия хваталась за ручку и стремительно выводила первые фразы, а затем еще и еще, вводя новых героев и переплетая их судьбы сложными конфликтами. А на следующий день она эффектно разруливала ситуацию, находя неожиданную концовку рассказа. Третий день она целиком посвящала пишущей машинке, печатая рассказ начисто. Порой этот день становился решающим: допечатав до трети, а то и до половины рассказа, она начинала работу сначала: ей приходила в голову сногшибательная идея, полностью переворачивающая сюжет. Тратя по три дня на рассказ, в свободное время Джулия делала наброски и выстраивала интригу своего первого романа...

* * *

Поезд плавно подкатил к платформе. Джулия, воспользовавшись подземным туннелем и минуя главное здание вокзала, вышла на Рузвельт-сквер. Моросил дождь. Джулия подняла руку, заведя проезжающее такси...

Счетчик выкинул круглую сумму, и Джулия не дала таксисту на чай. В отместку он вместо того, чтобы помочь даме, сражающейся с заевшим зонтиком, мерзким голосом изображал из себя клаксон. В конце концов, нетерпение передалось Джулии, и она, плюнув на зонтик и противный дождь, выбралась из машины и побежала к подъезду своего дома.

Таксист рванул с места. Это уберегло его от оказания помощи даме, распластавшейся в луже. У правой туфли Джулии отлетел каблук, нога подвернулась, а место приземления ей выбрать не удалось. Помочь ей было некому: улица была пустыня. Джулия поднялась, держась за стену дома. До входной двери оставалось всего футов пять. Хромая и чертыхаясь, морщась то ли от боли, то ли от омерзения, в мокром замаранном платье Джулия поднялась на второй этаж и открыла дверь в свою квартиру.

– Джек! – обессиленным голосом позвала она мужа. – Джек, черт тебя побери!

Нет ответа.

Глава 3

То ли Тринидад, то ли Тобаго. На одном из этих островов родилась Патрисия Робертсон. Ее дружба с Джеком Говардом как раз началась с того, что Джек пытался выяснить, где же все-таки она родилась.

– Тринидад и Тобаго, – ласково глядя на Джека, отвечала Патрисия.

Джек пробовал несколько раз объяснить ей, что она не могла родиться сразу на двух островах, но Патрисия стояла на своем. Раз за разом она повторяла свой ответ, но ее взгляд становился все более томным.

Они убежали с вечеринки, немного побродили по улицам, отдали должное ирландскому пабу, а затем отправились к Патрисии. Ведь Джек к тому времени был уже женат.

Джек обладал постоянным вкусом: пышные формы Патрисии почти не отличались от форм Джулии, только попой Патрисия была покруглее. Достоинства фигуры не были предметом гордости Патрисии: на Тринидаде, да и на Тобаго она мало, чем отличалась от других жительниц этих островов. Стань это обстоятельство известным Джеку, он бы, наверняка, отправился на Тринидад и Тобаго и постарался жить сразу на обоих островах.

Патрисия никогда не включала свет в своей квартире. Она прекрасно видела в темноте, даже утверждала, что может читать. Но этого никто не проверял, а сама Патрисия не читала и при свете. Зато ее телевизоры работали двадцать четыре часа в сутки – ложась спать, Патрисия лишь приглушала звук. Она выключала их только, когда надолго уходила из дома.

В первый визит Джека Патрисия разыграла спектакль: как только за ними захлопнулась входная дверь, она скинула с себя всю одежду и растворилась в воздухе. Джек спотыкался в темноте и выкрикивал нечто непотребное, вызывая у Патрисии приступы хохота. Он распался не на шутку, но ничего не мог поделать. Патрисия еще долго бы дразнила его, если бы Джек не зацепился за табурет и не упал прямо в ее объятия, которые разомкнулись лишь часа через два.

Патрисия жила скромно, зарабатывая на хлеб гладкой бельем. Немного денег подкидывал ее земляк и старый дружок, торговец бритвенными принадлежностями, но об этом Джеку не следовало знать. Цвет кожи не имел для Патрисии никакого значения. Она не придерживалась расистских взглядов. Она вообще не придерживалась никаких взглядов. Даже, когда ловила их, как блох, на себе.

Джека пленили формы Патрисии. Этим она превосходила Джулию, а остальное его трогало мало. Ну и что, что с Джулией было о чем поговорить? Зато с Патрисией всегда весело. Она не пропускала мимо ушей ни одну музыкальную передачу и вечно щебетала что-то, перебирая имена звезд и переминая им кости. Иногда она мурлыкала хиты, безбожно перевирая мелодии.

Разбогатец, Джек решил отпраздновать это событие с верной подругой. Он не собирался посвящать ее в суть дела, просто у него сегодня хорошее настроение и немного денег. Их и вправду было немного, так как Джек забыл сунуть в карман хоть несколько купюр из своего запасника. Рассказывать Патрисии сказку о «Фениксе» Джек не планировал: он собирался теперь больше времени проводить с ней. На счастье, она не была излишне любопытной и почти никогда не задавала Джеку лишних вопросов.

– А, это ты, – сказала Патрисия ипустила Джека в прихожую.

Она только что вышла из ванной и источала ароматы лаванды и еще каких-то индейских трав. Голова у Джека пошла кругом. Он забыл обо всех своих планах и благих намерениях и с жадностью принял к Патрисии. Ее чуть приплюснутый, словно упирающийся в стекло носик щекотал Джеку шею. Он ласкал девушку, запустив руки под ее белый купальный халат. Нако-

нец Джек испустил боевой клич племени толтеков, в переводе означающий что-то в роде «Я сделаю это!», и сорвал с Патрисии последнее махровое препятствие к ее пышному телу.

Джек так и валялся бы в постели до позднего вечера – даже до утра, если бы не Джулия – но Патрисии захотелось пить. Они привели себя в порядок и отправились в «Ночную пташку» промочить горло.

Заведение уже открылось, и, несмотря на ранний час, в нем было полно народу. Джек и Патрисия пили и танцевали, затем снова пили и танцевали, а потом пили и танцевали, а затем... А затем Джек заметил за соседним столом какого-то парня в черной вельветовой куртке и белом шерстяном шарфе, словно удав охватившем его шею, исподтишка наблюдавшего за ними. Это подпортило настроение Джеку, и он предложил Джулии отправиться в «Мамбо итальяно», где подавалась лучшая в городе пицца. Патрисия, как и все женщины, не страдающие анорексией, обожала эту пищу римских богов, и через сорок минут Джек, сосредоточенно работая вилкой, выковыривал из запеченного сыра бронзовые оливки и переваливал их на тарелку Патрисии. Избавившись от ненавистных оливок, он принялся за изуродованную пиццу. Но спокойно доест ее Джеку так и не удалось: все тот же тип в черной куртке и черной кожаной шляпе вошел в зал. Он устроился неподалеку от Джека с Патрисией, неторопливо размотал шарф, сложил его, снял шляпу, запихал в нее шарф и бросил ее на стол.

– Послушай, Пэт, тебе не знаком тот парень? Только не оборачивайся резко.

– Нет, Джек. Первый раз его вижу. А что? – искоса взглянув на парня, сказала Патрисия.

– Ничего. Просто он мне кого-то напоминает.

Патрисия пожала плечиками и продолжила наслаждаться пиццей. А Джеку стало не до римских богов. Неужели полиция вышла на след? Не может этого быть! Иначе бы его схватили еще на митинге. Так какого черта? Джеку захотелось встать и выяснить отношения. Но что это даст? Что это может изменить?

– Если ты не хочешь больше пиццы, я ее доем. Хорошо, милый? – Нежный голос Патрисии вывел Джека из задумчивости.

– Да, Пэт, доедай. Если захочешь, я закажу еще.

– Ты сегодня необыкновенно добр, Джек!

– Ты преувеличиваешь, Пэт.

Когда со второй пиццей было покончено, Патрисия замурлыкала какую-то незнакомую Джеку песенку, и он отвез ее домой.

– Ты не поднимешься? – томно спросила Пэт.

– Нет, милая. Я заскочу к тебе завтра.

И он страстно поцеловал ее в губы.

Джек немного покрутился по городу, и лишь когда полностью убедился, что за ним нет слежки, поехал в направлении дома.

Глава 4

Джулия еще не спала. Даже не помышляла. Она достигла той стадии ярости, когда хочется все ломать и крушить. Как тигрица в клетке зоопарка, она мерила неровными шагами тесный холл квартиры, немного припадая на правую ногу. Сначала купание в луже, затем отсутствие мужа и именно в тот редкий момент, когда она нуждалась в нем. Затем звонок Гонсалеса, кое-что проясняющий в этом отсутствии. И вот теперь... Что скажут теперь в издательстве? Ведь только вчера ей позвонил Льюис Неграпonte и заверил, что все будет хорошо: он уже переговорил с шефом, и теперь дело за формальностями. Но теперь...

Какой-то идиот ограбил Дж. П. Морган Чейз Банк, объяснялся с кассиршей записками, почти слово в слово повторявшими записки Кларенса Россфилда. Более того, затем он пытался скрыться на мотоцикле по спуску к морю. Сколько времени Джулия потратила на поиски подходящего банка и разработку путей отступления? И теперь все коту под хвост! Кому захочется читать ее роман, если все это можно прочесть в любой газете? От злости она подняла с пола газету и, тщательно скомкав, зашвырнула ее за телевизор.

Кукушка на стене напомнила, что уже полночь. Джулия включила телевизор. Так и есть: главная новость дня – ограбление Дж. П. Морган Чейз Банка. Полмиллиона долларов. Кларенсу Россфилду удалось заполучить лишь двести тысяч. Еще не хватало, чтобы и сумма совпала!

Ключ залязгал по входной двери. Наконец ему удалось попасть в замочную скважину и открыть дверь.

– Где ты шляешься? – накинулась Джулия на Джека, как голодный зверь на сырой гамбургер.

– Д-дорогая, я устроился на р-работу, – заикаясь, мямлил Джек, не ожидавший столь бурной встречи.

Джулия сжала кулачки и выбила дробь на груди мужа. Этот массаж сразу его протрезвил.

– Мерзкий лжец! Или твоя работа заключается в том, чтобы дегустировать вино? От тебя несет как... как от голландца! – Джулия, когда злилась, всегда с трудом подбирала слова.

– Что плохого тебе сделали голландцы? – Джек безуспешно попытался увести разговор в сторону на более безопасные рельсы.

– Я их очень люблю, и лучше бы я вышла замуж за одного из них... Так в чем заключается твоя работа? Шляться по кабакам?

– Дорогая, я теперь агент страховой компании «Феникс». Кстати, ты уже застраховалась? – Это предложение Джулия пропустила мимо ушей.

– А эта чернозадая девица твой первый клиент? Не смеши меня!

Ага. Теперь понятно, что это за шут фаселевый в черной куртке – платный соглядатай. Но это все-таки лучше, чем переодетый коп. К Джеку вернулось веселое расположение духа.

– Нет, дорогая, это моя коллега. А первым клиентом можешь стать ты.

– Мне не до твоих дурацких шуток, Джек.

– Кстати, сколько ты заплатила этому типу?

– Это не твое дело, Джек. Я заплатила из своего кармана, – сказала Джулия, мысленно четвертуя Гонсалеса за его разрекламированный профессионализм. Хотя дело он сделал: завтра в руках у Джулии окажутся фотографии. Эта мысль немного успокоила ее. – Так ты серьезно про «Феникс»?

– Конечно, уважаемая фирма.

– Фирма известная, но вот насчет уважения ты загнул. Если они агентов набирают среди таких же бездельников, как ты, то...

– Я не знал, что ты такого мнения обо мне, дорогая!

– Прекрати меня так называть! – Джулия вновь заметалась по холлу, уже забыв про больную ногу. – Если я столько лет молчала, то это не значит, что так будет вечно! Всему есть предел!

– Ну, и где же справедливость? – Джек театрально воздел руки к хрустальной люстре. – Именно в тот день, когда я устроился на работу в серьезную фирму, ты набрасываешься на меня и обвиняешь в тунеядстве. Давай прекратим скандал. Лучше ляжем в постель, мне ведь завтра на работу, – примирительно сказал Джек, вытащив из рукава еще один козырь.

– В постель! Ты только об этом и думаешь! Это единственное, на что ты способен! Если б не постель, я бы давно уже прекратила наш идиотский брак! – У Джулии всегда, когда она злилась, с языка срывалось то, что она думала.

– Как твой роман? Неграпонте не звонил? – Джек сделал еще одну попытку отвести от себя удар, и ему это удалось.

– Роман! Нет никакого романа!

Джек пожалел о своем вопросе. Он успел подзабыть об утреннем приключении. Но отступать было уже некуда.

– Что же случилось? Они передумали?

– Они передумают!

– Успокойся, Джулия, и расскажи все по порядку. От твоих криков у меня уже болит голова. И прекрати бегать взад-вперед.

Джулия безвольно опустилась на диван. Ее распущенные волосы касались плеч, глаза метали молнии, а шикарный бюст, выставленный на всеобщее обозрение распахнувшимся халатом, не позволял Джеку сосредоточиться.

– Сегодня утром ограбили банк, – неожиданно спокойным голосом сказала Джулия.

– Банк? Какой банк?

– Морган Чейз Банк.

– Я не держу там свои деньги.

– Можно подумать у тебя есть деньги, – огрызнулась Джулия.

– Не начинай все с начала. Много унесли?

– Полмиллиона. Но дело не в этом. Грабитель объяснялся с кассиршей записками, а когда та исполнила его указания, потребовал их назад. С места преступления он пытался скрыться на ворованном мотоцикле, воспользовавшись лестницей, ведущей к морю, но ему преградила дорогу демонстрация антиглобалистов.

– Так его поймали?

– Нет. Полиция уже гналась за ним, но ему удалось раствориться в толпе демонстрантов.

– И что с того?

– Что с того? Ах да... Я все забываю, что ты так и не удосужился прочитать рукопись...

– Но я обещал прочитать книгу, – напомнил Джек.

– Боюсь, что тебе придется слишком долго ждать, чтобы исполнить свое обещание, – Джулия тяжело вздохнула. – Дело в том, что мой роман как раз и начинается с ограбления Дж. П. Морган Чейз Банка. И это ограбление как две капли воды похоже на сегодняшнее. Лишь чуть изменены слова записок, да у меня грабителю удалось скрыться без помощи толпы. Я обошла столько банков, истоптала, можно сказать, несколько пар туфель в поисках маршрута бегства. И вот, кто-то воспользовался моими трудами!

– Надеюсь, что рано или поздно его поймут, – попытался утешить жену Джек.

– А что мне до этого! – в сердцах воскликнула Джулия. – Ты что, не понимаешь? Ведь ясно, что теперь «Бетельгейзе» не захочет печатать «Калифорнию, как она есть»!..

– Хорошо, что я не прочитал рукопись!

– Это почему же?

– Иначе бы ты обвинила меня в ограблении банка.

Джулия расхохоталась.

– Нет, мой дорогой муженек! Мне хорошо известно, что ты на это не способен! Ограбление банка – серьезное дело. Конечно, попытать счастья может любой. Главное здесь суметь не попасться. А ты... Ты бы уже сидел в камере предварительного заключения, а я, исключительно из жалости, сушила для тебя сухари или носилась по городу в поисках хорошего адвоката.

Джек немного подумал, но все-таки решил обидеться.

– Ты как хочешь, дорогая, а я иду спать, – слегка сердито произнес он и отправился в душ.

Его решение оказалось правильным: когда он, обмотанный полотенцем, вышел из ванной, Джулия уже согрела постель...

Глава 5

Джек постарался улизнуть из дома, пока Джулия еще спала, и ему это удалось. Для этого ему пришлось встать в полвосьмого – несусветная рань для такого трудоголика, как он.

Он вырядился в выходной костюм из синего твида в мелкий рубчик, к которому хорошо шел широкий голубой галстук с бордовыми диагональными полосками. Он придирчиво осмотрел свое отражение в большом зеркале в парадной, поправил галстук и с важностью вышел на улицу.

Дождь прекратился еще ночью, но тучи не обещали ничего хорошего. Джек с трудом добрался до машины, припаркованной прямо на улице: для этого ему пришлось перепрыгнуть несколько луж-озер.

Дорога до Филдс-стрит заняла пятнадцать минут. Джек оставил машину возле дома Патрисии. Подниматься не имело смысла: до двух часов она трудилась в прачечной. Было еще прохладно, и Джек натянул на себя плащ. Взглянув на небо, он прихватил с собой зонтик. Его первый рабочий день в «Фениксе» начался!

Джек бесцельно бродил по улицам, прижимаясь к домам. Но уберечь свой костюм от невнимательных водителей ему не удалось: пару раз его как следует окатили опаздывающие на работу лихачи. Туфли на тонкой подошве промокли уже через десять минут прогулки. Гулять с мокрыми ногами – удовольствие еще то. Работа в «Фениксе» была не в радость. Для поднятия настроения Джек увеличил себе «зарплату».

Питейные заведения с утра не работали, и Джек решил выпить хотя бы кофе в какой-нибудь забегаловке. Его внимание привлек особняк с двумя длинными флигелями. Табличка «Публичная библиотека» выдавала его предназначение. Неожиданная, как нашествие марсиан, мысль пронзила серое вещество Джека. Да и что за библиотека без буфета? В этом Джек не был убежден, так как ему предстоял первый в жизни исторический визит в библиотеку. Джек уверенно поднялся по ступенькам и распахнул входную дверь.

Плоскогрудая милашка с улыбкой начинающей кинозвезды в столь ранний час была рада любому посетителю. Красота девушки не бросалась в глаза, но опытный ценитель женских прелестей, каковым являлся Джек, оценил ее по достоинству. Девушка не пользовалась косметикой: она не нуждалась в ней. Здоровый цвет лица, ухоженные брови, длинные ресницы говорили сами за себя.

– Могу я вам помочь, сэр? – обратилась она к подошедшему к стойке Джеку.

– Я на это твердо рассчитываю, – улыбнулся Джек и снял плащ. Библиотекарша залюбовалась галстуком Джека, и ему захотелось его поправить. – Видите ли, в детстве я увлекался серьезной литературой: Теккерея, Лондон, Фолкнер, а теперь мне хочется чего-нибудь попроще, но с захватывающим сюжетом. Я думаю о детективном жанре.

– О, у нас огромный выбор детективной литературы. Что вас больше привлекает: классический детектив, современный, полицейский роман, а может, фантастический или политический детектив?

– Нет-нет, никакой политики и никакой фантастики. Кроме того, знаете, я не переношу крови, даже ее запах.

– И даже в шутку? Я могла бы вам предложить Иоанну Хмелевскую, «Что сказал покойник», например, очень увлекательно и смешно написанная вещь.

– Нет-нет, и даже в шутку! – Джек театрально замахал руками, вызвав у девушки улыбку.

– Тогда я принесу вам Чейза. Хотя нет, там тоже сплошные убийства.

– О, нет... Разве я похож на кровавого убийцу?

– Тогда ограбления?

– Да. Это больше по моей части.

Девушка приснула и ехидно посмотрела на него.

– Ну, на грабителя вы тоже не очень похожи!

– Вы так находите? – удивился Джек. – Я предлагаю обсудить это вечером за ужином. Библиотекарша покраснела и смешалась.

– Меня зовут Мари, – посчитала нужным представиться она, а затем смущенно добавила:

– Сегодня я занята...

– Тогда в другой раз, когда я проголодаюсь.

Девушка рассмеялась и упорхнула за книгами. Через несколько минут она вернулась с тремя книгами в руках.

– Я подумала, что вам стоит начать с Драйзера. Вот «Финансист» – это первая часть трилогии. Затем «Титан» и «Стоик». Я думаю, вы найдете много интересного, – она обворожительно улыбнулась.

Джек улыбнулся в ответ, взял книги и поблагодарил ее.

– Вы знакомы с нашими правилами? Книги нельзя выносить за пределы читального зала.

– Я с удовольствием посижу здесь. А где бы я мог разжиться чашечкой кофе?

Девушка взглянула на часы.

– Через сорок минут откроется буфет на первом этаже. Чай, кофе, бутерброды, выпечка. Но вы не сможете с ними прийти сюда.

– Не беспокойтесь, я все съем по дороге! – сказал Джек, заставив библиотекаршу показать все свои зубки.

– Желаю приятно провести время!

Джек выбрал место у окна и погрузился в чтение. Любя во всем порядок, он начал с «Финансиста». Он собирался пролистать книгу, но из этого ничего не вышло: чтение увлекло его. Финансовые махинации, переплетение власти и капитала. Все это пробудило интерес Джека. Когда-нибудь он станет политиком...

Судьба Фрэнка Каупервуда захватила его без остатка. Он завидовал этому молодому человеку, обладающему даром делать деньги и делающему их с тринадцати лет. А когда он дочитал до того момента, когда юный Каупервуд стал биржевым маклером, Джек размечтался. Он вообразил себя биржевым игроком. Почему бы и нет? Теперь у него есть деньги, а на бирже он сможет приумножить свой капитал. Сегодняшняя биржа – это не биржа полтора века назад. Совсем другие технологии. Но Джек сможет разобраться в них. Он обзаведется компьютером и спустя какое-то время станет разбираться в биржевых лабиринтах. О том, что Фрэнк Каупервуд разочаровался в игре на бирже из-за слишком высокого риска, Джек дочитать не успел.

В любом случае, в планы Джека не входило повторить налет на банк или что-нибудь в этом духе. Не такой уж он дурак, чтобы попасться, как Кларенс Россфилд. У Джека была своя теория. Он считал, что большинство преступников попадают потому, что не могут вовремя остановиться. Еще читая роман Джулии, Джек постановил, что вторую попытку сделает лишь, когда истратит все деньги. Но почему бы не изучить свои возможности заранее?

Время пролетело незаметно. Прежде, чем вернуть книги, Джек пролистал «Финансиста» и наткнулся на место, где Фрэнк Каупервуд угодил в тюрьму. Это вызвало у него улыбку и даже чувство некоторого превосходства. На подробности не осталось времени, и он сдал книги, пообещав библиотекарше зайти завтра. «Жаль, что грудью не вышла», – подумал Джек и отправился к Патрисии.

Патрисия уже вернулась с работы и вертелась на кухне. Она была не в духе.

– Скоро мне придется искать другую работу, – пожаловалась она Джеку.

– А что случилось? Снова Томас?

– Да, он опять приставал ко мне и пытался лапать.

– Я его хорошо понимаю, – сказал Джек и прижал к себе Патрисию. – А как он это делал? Вот так? – И он спустил руки пониже спины.

Разъяренная Патрисия пыталась вырваться, но Джек крепко держал ее. Борьба была не равной. Силы Патрисии иссякли, и она позволила Джеку унести себя в спальню.

* * *

Джек явился домой как никогда рано. Джулия поджидала его.

– Я так устал, дорогая. Все-таки первый рабочий день. А ты, кажется, собираешься ужинать? – спросил Джек и уселся за стол.

Но вместо ожидаемой тарелки Джулия разложила перед Джеком несколько фотокарточек. На всех Джек целовался с Патрисией.

– Могу себе представить, как ты устал сегодня, мой дорогой муженек. Наверное, сегодня твоя коллега тебя замучила.

– Ну не сердись, мы только вчера познакомились, посидели в баре, и я немножко перебрал и увлекся. Это не повод тратить на сыщика и выслеживать меня. Если хочешь, я завтра же уволюсь.

– Делай, что хочешь, Джек, но я твердо решила развестись с тобой! Так что сделай себе яичницу сам, а я поеду к подруге. Надеюсь, ты не возражаешь, если я возьму машину?

Джек ничего не ответил, да Джулия и не нуждалась в его словах: она накинула на себя пальто и выскочила из дома.

Аппетит у Джека как-то сразу пропал. Он залез в душ. Шум падающей воды всегда помогал ему сосредоточиться. Кажется, Джулия взялась за него всерьез. И именно сейчас, когда у него появились деньги. Это ужасно глупо. Она терпела его столько лет и вот... Неужели у нее кто-то завелся? Нет, не похоже. Он бы наверняка почувствовал это в постели. Тогда не все потеряно. Пожалуй, не стоит ждать «зарплаты». Завтра же куплю ей кухонный комбайн, и тогда она простит меня. Скажу, что купил в кредит.

Джек притащил с балкона стремянку, залез на антресоли и извлек из своего тайногоклада две новенькие пачки.

Ночью Джек несколько раз просыпался: то от мощных раскатов грома, то от барабанной дробы, которую проливной дождь выбивал на оконном стекле и карнизе. Но, несмотря на поверхностный сон, он не заметил возвращения Джулии. Лишь окончательно проснувшись, когда стало светло, и с улицы доносился тревожный шум пробуждающегося города, Джек обнаружил Джулию мирно спящей на своем обычном месте.

Надо было идти на «работу», но ужасно не хотелось. Погода не благоприятствовала прогулкам. Джек вспомнил о своих планах на сегодня. Вместо библиотеки он отправится покупать кухонный комбайн! Он виновато посмотрел на причмокивающую во сне Джулию и тихо, чтобы не разбудить в жене мегеру, вышел из спальни.

Вставив ключ зажигания, Джек выругался. Бензобак был почти пуст, хотя он заправил машину позавчера перед тем, как выехать на дело. Это означало, что ночью Джулия носилась по городу в попытках выплеснуть переполнявшую ее злобу. Когда-нибудь она угробит себя! Джек поймал себя на том, что с теплотой думает о жене. Ладно, добраться до магазина бензина хватит, а потом он заправит машину.

Он вспомнил, что видел приличный отдел электротоваров в «Маркс и Спенсер», и через двадцать минут мучил продавца дурацкими вопросами. В конце концов, он сделал выбор, и его направили в кассу оплатить товар.

– Подождите, сейчас я схожу на склад, возможно, мы сможем доставить вам покупку сегодня, – сказал продавец, когда Джек принес ему квитанцию об оплате.

– Это будет весьма кстати! – обрадовался Джек.

Долго ждать не пришлось: минут через пять продавец вернулся.

– Будьте дома через полтора часа!

– Отлично, – сказал Джек и пожал продавцу руку.

Джек заглянул в продуктовый отдел, нашел полку с винами и выбрал хорошее французское вино к обеду, планируя «обмыть» обновку с Джулией.

Джулия уже встала и строчила за пишущей машинкой в холле. Она любила работать по утрам до завтрака. Голод придавал остроту ее мыслям, и хотя Джулия печатала «слепым» методом, ее тонкие музыкальные пальцы не поспевали за каламбуриющимися мыслями.

– Тебя уже уволили? – со злорадством спросила она вошедшего в квартиру Джека.

– У меня появилось окно, и я решил заглянуть домой, – Джек решил игнорировать колкости супруги. – Я приготовил тебе сюрприз.

– Это уже сюрприз!

– Я не это имел в виду.

– А что же еще?

Джек взглянул на часы и сказал:

– Подожди еще десять минут и узнаешь!

Так долго ждать Джулии не пришлось: раздался звонок в дверь. Джек подошел к двери и резко распахнул ее, глядя при этом на Джулию.

– Хоп! – сказал Джек, но по вытянувшемуся лицу Джулии понял, что фокус не удался.

Он повернулся к дверям: там стояли двое полицейских.

– В чем дело? – на всякий случай спросил Джек.

– Вы задержаны по подозрению в использовании фальшивых денег. Пройдемте с нами. Господи, как все глупо! Кто бы мог подумать? Как ловко его провел Морган Чейз!

– Откуда у тебя фальшивые деньги? – изумленно спросила Джулия.

– Они предназначались для Кларенса Россфилда, – приглушенно ответил Джек.

Джулия сразу все поняла, а вот копы многозначительно переглянулись.

– Кто такой Кларенс Россфилд? – поинтересовался один из них.

– Он вам все объяснит в участке, – заверила полицейских Джулия, и те поверили ей.

Полицейские подхватили Джека под руки.

– Сюрприз, – на прощание сказала Джулия.

– Прости, – промычал Джек, и Джулия закрыла за ними дверь.

Глава 6

«Лучше бы я и впрямь вышла за какого-нибудь голландца! Была бы я сейчас какой-нибудь фрау Ван Хейнекен и каталась как голландский сыр в голландском масле», – мечтательно рассуждала Джулия, валяясь на диване. Свои стройные ножки – предмет зависти подруг – она перекинула через диванный валик и мерно покачивала ими в такт своим мыслям. Злости на Джека уже не было. Этот жалкий тип окончательно перестал для нее существовать. Даже пашни Джека с его так называемой коллегой оставляли тонкую ниточку надежды, еще как-то связывавшую их. А теперь? Теперь Джулия не будет испытывать даже намеки на угрызения совести – ее решение о разводе стало необратимым.

От мыслей о разводе ее оторвал пакет, с шумом хлопнувшийся на пол возле входной двери – принесли почту. Одним движением вскочить с дивана у Джулии не получилось: она давно утратила спортивную форму. «Голландская корова», – усмехнулась про себя Джулия и фыркнула.

Подняв с полу увесистый пакет (интересно, как почтальону удалось просунуть его в щель?), Джулия грустно покачала головой. Пакет из «Бетельгейзе» мог означать лишь одно: «Калифорния, как она есть» отвергнута издательством. Джулия вскрыла пакет и обнаружила сопроводительную записку. В очень вежливой форме и с дифирамбами в адрес романа Джулии предлагалось обратиться в издательство вновь эдак года через два-три. А дальше тысяча извинений, но никаких причин для отказа.

«Рукописи не рецензируются и не горят», – Джулия вспомнила известные присказки. Все правильно. Они возвращаются. Но нет повода для переживаний: Джулии хорошо известна причина отказа – она его ожидала.

Джулия подошла к письменному столу и запихала рукопись, даже не высвободив ее из почтовой обертки, в самый нижний ящик. Забыть! Завтра же она пойдет на биржу труда и попытается найти работу.

Завтра... На следующий день ни на какую биржу Джулия не пошла. Она достала калькулятор и последние отчеты из банка. Через полчаса, перепроверив полученные результаты, она удостоверилась, что отцовских денег хватит ей еще года на три, а если экономить и не позволять себе ничего лишнего, то и на все четыре. Работа не волк...

Джулии хотелось писать. Пишущая машинка, доставшаяся ей от отца, тянулась к ней всеми своими клавишами с облезлым лаком. Но судьба ее первого романа останавливала Джулию, не позволяя ей поддаться искушению. Она решила, что ей необходим небольшой отдых, и с «Книгой иллюзий» Пола Остера улеглась на диван, завернувшись в теплый шотландский плед.

* * *

А жизнь тем временем продолжалась. Джек отправился под суд и, конечно, не за фальшивые деньги – это обвинение, с учетом всех обстоятельств, с него было снято – а за ограбление банка. Точнее, за попытку ограбления. Ведь никакого материального ущерба Дж. П. Морган Чейз Банк не понес. Хотя теперь каждый грабитель знает, что надо брать на дело не только игрушечный пистолет, но и настоящий приборчик для проверки подлинности банкнот.

Джек получил три года, что означало, что он проведет за решеткой около двух лет. При хорошем поведении, разумеется.

Для человека в заключении время тянется, проходит со скоростью близкой к нулю, а если не делать зарубки на стене, так и вовсе остановится. Таким образом, любой срок превращается

в бесконечный, а заключенный получает бессмертие, которое с радостью бы обменял на любой плод, не обязательно с дерева познания добра и зла.

Новые дружки надоедают через месяц, когда точно знаешь, кто, за что и сколько. И хорошо, если они не трогают тебя. Четыре часа нудной работы в тюремном цеху по изготовлению картонной тары за зарплату, хватающую на сигареты. Развлечения по выходным: футбольные матчи, самодеятельные представления. Кино раз в месяц – и на том спасибо!

Джека такая жизнь не могла устроить. Но что делать? Бежать? Но куда и как жить дальше? А если поймают, то уж дадут по полной программе. Да и с таким сроком, как у него, из тюрем не бегут: на подготовку уйдет больше времени.

Подруги не сразу забыли Джека. Патрисия раза три сделала передачи и даже однажды пришла на свидание в обтягивающем платье, вызвав поток слюней не только у Джека, но и у надзирателя, надзиравшего за Патрисией куда больше, чем за Джеком. Но потом она исчезла и перестала отвечать на письма, скорее, короткие записки, которые ей иногда посылал Джек.

Джулия же ограничилась присылкой документов на развод, общаясь с Джеком исключительно через своего не в меру упитанного адвоката. Джек подмахнул все бумаги не глядя. Так Джек пытался искупить свою вину перед женой.

Для Джулии время тянулось иначе. Она с утра до вечера барабанила по клавишам уже дышащей на ладан пишущей машинки. После краха с «Калифорнией, как она есть» она поклялась не писать детективных романов. Каждый раз она старательно выстраивала сюжетные линии, ведя героев сквозь невзгоды и интриги, сквозь любовь и разочарование, к счастливому или не очень, концу.

Но, как это обычно бывает, в какой-то момент герои отбиваются от рук и начинают творить такое, что автору становится не по себе. Героев романов Джулии объединяла одна общая черта: все они мечтали о богатстве, которое вдруг в один прекрасный день свалится на их головы. Большинство из них не укладывались в рамки закона и с легкостью выходили за них. Они обладали изощренной фантазией и действовали в соответствии с ней. Но Джулия была к ним беспощадна: зло наказывалось, преступники, если даже и избегали тюрьмы, то насладиться плодами своих трудов несправедливых не могли. Она карала их. Обладая фантазией, ничуть не меньшей, чем ее герои, Джулия насылала на них казни египетские десятками.

Джулия ни за что не призналась бы, да она и не осознавала это, но прототипом большинства ее героев был... Джек! Они без конца оказывались в ситуации нравственного выбора и не могли устоять перед соблазнами. Предвкушение жизненного успеха возбуждало и ослепляло их. Их энергия утраивалась, и они, сметая все на своем пути, неслись в пропасть.

Эти романы уже нельзя было отнести к детективному жанру, но это не делало их хуже. Чем плох триллер? Их с удовольствием бы взяли в любом издательстве. Такого мнения придерживалась их единственная читательница Бетти. А Бетти знала в этом толк. Женский журнал, в котором она работала, печатал в литературном отделе лишь рассказы. Но Бетти подрабатывала в нескольких книжных издательствах, редактируя для них женские романы.

– Ты просто преступница, Джулия, – сказала Бетти, возвращая Джулии рукопись последнего романа. – По сравнению с тем, что проходит через мои руки и идет в печать, твои романы настоящие шедевры. Ты просто обязана их опубликовать. В конце концов, ты трудилась столько времени и должна получить за свой труд деньги.

– Нет, нет и еще раз нет, – упорствовала Джулия. – Я же тебе уже объясняла. Мои романы – пособие для бандитов. Хочешь, я уберу из них весь криминал?

– Нет, тогда они потеряют свою изюминку, а их герои превратятся в ничем не привлекательных героев дамских романов.

– Вот видишь!

– Но все равно, они будут лучше того, что публикуется сейчас.

– Возможно, но мне это не интересно. А раз так... Понимаешь, я не хочу ничего делать только ради денег. Еще пару лет я продержусь. А уж если дойдет дело до этого, я лучше пойду преподавать в школу или подамся в секретарши. А может, ты мне подыщешь что-нибудь в журнале или издательстве.

Подобный разговор повторялся после каждого нового романа Джулии. Она стояла на своем, как Джордано Бруно.

Работала она не щадя себя. В каком-то журнале Джулия прочитала о сублимации и твердо решила не подпускать к себе мужчин. Нечего тратить сексуальную энергию на пустяки, когда ее можно обратить в творческую! А сексуальной энергии Джулии было не занимать.

Быстро покончив с разводом (к счастью, Джек не артачился), Джулия тут же выкинула бывшего мужа из головы. А когда женское начало в ней брало верх, в очередном романе появлялась неистовая эротическая сцена. Ее героини получали полную сексуальную свободу и активно пользовались ею. «Ну, ты даешь!» – мечтательно говорила ей Бетти, не находя других слов для оценки этих сцен.

Но все это не имело читателей, и, следовательно, не существовало. Джулия, наконец, нашла применение сейфу, занимавшему столько места в холле. Она складывала в него рукописи и запирала на ключ, чем изрядно веселила Бетти, отпускаящую по этому поводу всяческие шуточки.

Глава 7

Больше, чем овсяную кашу, Джек ненавидел только манную. Но эта ненависть осталась в Техасе, в далеком детстве Джека. Дела у его родителей шли неважно. С утра до вечера они вкалывали на ферме, но то неожиданный падеж скота, то неурожай, а то и ураган с каким-нибудь ласковым женским именем собирал свою жатву за счет трудолюбивых фермеров.

Но Джой Говард считала, что ребенку не должно быть дела до трудностей родителей. Ведь детство так быстро проходит. Никому не по силам остановить его, но надо сделать так, чтобы оно не прошло мимо. Одним из немногих практических следствий из философии Джой Говард стала манная каша, которую она варила каждый вечер на медленном огне, а утром по-быстрому разогревала и ставила дымящуюся тарелку перед Джеком, по воскресеньям подслащивая кашу щепоткой сахарного песка.

Однажды Джек устроил голодную забастовку: сидел перед тарелкой и даже не взял ложку в руки. Джой быстро справилась с бунтарем: когда пришло время обеда, перед Джеком оказалась все та же тарелка, на этот раз с холодной безвкусной кашей...

Джек доел свою порцию пересоленной овсянки и даже облизал ложку.

– Говард?! – раздался властный голос.

Джек обернулся. У него за спиной стоял надзиратель, поигрывая связкой ключей.

– Встань и следуй за мной, – распорядился он.

Джек повиновался под завистливые взгляды сотрапезников, которым предстоял нудный рабочий день в тюремном цехе.

Как только Джек вышел в коридор, надзиратель пропустил его вперед и велел свернуть в навесной переход в административный корпус. За год, проведенный в тюрьме, Джек был здесь лишь единожды, в самом начале своего заключения. Тогда начальник тюрьмы просто хотел познакомиться с новым заключенным. Формальная дань традиции этого заведения.

На этот раз начальник улыбался, приветствуя Джека, как старого друга. Даже вышел из-за стола, чтобы пожать ему руку, чем полностью сбил его с толку. Но улыбка не шла строгому, даже печальному выражению лица начальника тюрьмы. Куда больше подходили ему вечно налитые кровью глаза, в точности как у быков на ферме Говардов.

Начальник усадил Джека в кресло, сам устроился напротив и предложил Джеку сигару. Джек бросил курить очень давно, еще когда работал на бензоколонке: таковы были условия работы. Но в тюрьме он ценил позволявшие удовольствия. Сигара оказалась очень крепкой, и Джек закашлялся. Начальник дружески похлопал Джека по спине и подождал, пока тот не пришел в себя.

– За что вы сидите? – участливо спросил начальник. Джек чуть не онемел от такого вежливого обращения. Если бы начальник добавил «сэр», то ответа, скорее всего, он бы не получил.

– За ограбление банка, – сразу сознался Джек.

Начальник пожевал свою сигару, затем загнал ее в угол рта и продолжил допрос:

– Вам известно, что в случае хорошего поведения вас могут освободить через восемь месяцев?

– Да.

– А кто это решает?

Джек молчал. Начальник дал ему несколько секунд подумать, а затем нетерпеливо спросил:

– Вы как думаете?

– Вы, – догадался Джек.

– Совершенно верно. Но это вовсе не означает, что это зависит от того, что взбредет мне на ум. Все ваши проступки заносятся в специальную тетрадь, и когда подходит время, я беру эту тетрадь в одну руку и аптечные весы в другую и выношу свой приговор.

Джек попытался представить начальника тюрьмы с завязанными глазами в образе статуи Свободы. У него получилось. Начальник продолжал:

– Скажу вам откровенно: принятие решения по поводу досрочного освобождения для меня трудная задача. Не сплю ночами. Чувствую огромную ответственность за судьбы людей. Ведь простым росчерком пера я могу изменить судьбу человека, – для убедительности он достал из наружного кармана мундира авторучку и поводил ею по воздуху. – Так вот, на мое решение может повлиять любая мелочь, например, драка или даже простая ссора... Вы меня понимаете?

Джек не очень понимал, чего от него хотят, но уверенно закивал головой.

– Это хорошо, что вы такой понятливый, – многозначительно произнес начальник. – А знаете что? Вы бы не отказались выйти на свободу через две недели? Впрочем, простите мне этот идиотский вопрос.

Глаза у Джека вспыхнули. Неужели его освобождение так близко? Но... сейчас ему назовут цену.

– Конечно, – выдавил из себя Джек.

– Но сначала вы окажете нам услугу. Сущие пустяки. От вас почти ничего не потребуются. Вас посадят в камеру предварительного заключения с одним типом. Вы ему расскажете свою историю, ну... как вы грабили банк. Ведь она у вас весьма занимательная. Скажу вам честно: именно поэтому выбор пал на вас. А заодно послушаете, что расскажет вам он. Уж постарайтесь его разговорить.

– Кажется, это называется подсадной уткой.

– Правда? Я не знал... Очень остроумно! – Начальник тюрьмы рассмеялся. – Так что, согласны?

Джек призадумался.

– Можете, конечно, подумать. Часа вам хватит? У нас, в отличие от вас, времени не так много, – хохотнул начальник.

– Я согласен, – сказал Джек, а про себя подумал: «Черт с тобой!»

– Я искренне рад за вас. – Начальник пожал Джеку руку. – Надеюсь, мы больше не увидимся. По крайней мере, в этих стенах. Рад был нашему знакомству.

Слова начальника тюрьмы звучали так искренне, что Джек чуть не сказал: «Взаимно».

Джеку дали два часа на сборы, хотя хватило бы и пяти минут. По инструкции начальника Джек оставил друзьям короткую записку, сообщая им, что его переводят в другое место, но он постарается вернуться. К записке он приложил весь свой запас курева. Пусть ребята его помнят. Джек был совершенно безобиден. Даже в тюрьме он не сумел нажить себе врагов.

За ним приехал полицейский пикап. Ему надели наручники и втолкнули в кузов. Лязгнул замок на дверце. Но Джек и не помышлял о побеге. Ведь ему оставалось лишь две недели. А может, если он справится с заданием быстрее, то еще меньше. Сыграть роль – ему не составит труда. Когда-то он блистал в студенческом драмкружке. Увы, его пришлось оставить вслед за университетом.

От монотонного движения Джек задремал и очнулся лишь, когда заскрипела распахиваемая дверца.

– Добро пожаловать в Сан-Мартини! – гаркнул коп и помог Джеку выбраться из пикапа.

После короткого инструктажа Джека впили в камеру. Там его подждал громила с глазами на выкате и совершенно лысый. Нижняя челюсть немного выдавалась вперед, придавая гроmile воинственное выражение лица. Он спал или притворялся. Джек почувствовал себя неуютно. «Жизнь – это театр», – припомнил он и усмехнулся. Он улегся на свободные нары.

В конце концов, громиле надоело спать или притворяться. Он открыл один глаз, осмотрел Джека и остался совершенно безразличным к своему соседу. Джек получил строгие указания ни в коем случае не приставать с расспросами самому. Главная его стратегия: ждать.

Четыре дня прошли в полном молчании. Их иногда вызывали на допросы. Джека допрашивали о поведении громилы, а затем запирали на час в комнату с единственным зарешеченным окном и парой старых газет на небольшом столике.

Джек мучился от безделья. Громила игнорировал его. Ни о каком общении не было и речи. Странный таки тип. Все тело в наколках. Тертый калач. Джек подумал что будет, если громила так ничего и не скажет. Неужели придется возвращаться в тюрьму? Надежда на быстрое освобождение делала эту мысль невыносимой. Нет. Он должен что-нибудь придумать. Придумать?

Джек ничего не знал о громиле. Чтобы сохранить естественность, копы даже не сказали ему, что громиле вменяется в вину. Это разумно, решил Джек, ставя себя на место копов. Вряд ли этот тип убийца, хотя такому убить, как позвать во сне маму. Не могли же его посадить к убийце? Вдруг... Нет, скорее всего, он тоже кого-то ограбил. Чтобы им было о чем поговорить. Надо придумать какую-нибудь захватывающую историю. Жалко, Джулии нет рядом, она бы за пять минут придумала такое, что вся полиция встала бы на уши. Джек вспомнил скучающую библиотекаршу: вот бы сюда все ее книжки...

Но волнения Джека завершились на пятый день: громила заговорил.

– Э-э-э... друг! – прохрипел он.

От неожиданности Джек вздрогнул.

– Чего тебе? – притворяясь озлобленным, ответил Джек.

– Ты того, местный?

– Да.

– А я из Нью-Мехико. Залетел малость.

Джек понимающе кивнул.

– Ты молчишь все... Не думай, я не из копов, – продолжал хрипеть громила. – Я бы им всем бошки поотрывал.

Джек представил себе эту картину и расхохотался.

– Чего ржешь? Тебя-то за что? С виду такой интеллигентный, только галстука не хватает, – смех громилы вызвал гулкое эхо. Джек уважительно помолчал, пока оно не утихло.

– За дело.

– Звучит как признание, – оживился бандит.

Но тут им принесли завтрак, и беседа прервалась на самом интересном месте. Пшенная каша показалась Джеку заморским деликатесом, а компот из сухофруктов освежил давно стершиеся из памяти вкусы.

После завтрака его забрали на допрос, и он радостно сообщил, что сосед стал разговорчивее. Джеку пообещали пару дней не беспокоить громилу. По дороге в камеру Джек решил разыграть спектакль. Когда коп втолкнул его в камеру и захлопнул дверь, Джек принялся барабанить по ней и истошно вопить:

– Все копы сволочи! Ублюдки! Я еще поквитаюсь с вами!

Громила удивленно следил за действиями Джека, а затем меланхолично заметил, что выступать бесполезно. Себе же во вред. Джек прислушался к совету товарища и прекратил буянить.

– Я им все рассказал! Чего они от меня еще хотят? – яростно прокричал Джек.

– Доказательств. Они любят, когда ты делаешь за них их работу.

– У тебя, наверное, большой опыт общения с ними.

– Да. Большой, чем хотелось бы. А ты, видно, новичок.

– Ну, ограбил я банк, а они фальшивые деньги всучили. Обвели вокруг пальца как ребенка. Я потом на этом и попался. Что еще? Отрицать все равно бессмысленно.

– Это ж действительно как ребенка. Они могут и настоящие деньги выдать, но помеченные, и номера купюр все переписаны. С такими деньгами надо за границу бежать, только там с ними можно что-то реальное сделать.

– Теперь буду знать, – огрызнулся Джек.

– А я поинтересней способ придумал. Снюхался я с одним парнем, он на заводе сейфы проверял. Так он в программу каждого сейфа заносил тайный код, по которому сейф открывался. А потом отслеживал, кому этот сейф продавался. Секешь? Мне оставалось только подобраться к сейфу, а это куда легче, чем вскрыть хороший сейф, не зная кода. Главное, что деньги и драгоценности в сейфе самые настоящие!

Громила загоготал. Его рассказ произвел на Джека сильное впечатление. Конечно, именно этого секрета ждут от него копы. Он им все расскажет и выйдет на свободу. Но... Уж больно идея хороша! А что, если впарить копам какую-нибудь муть, а идею оставить себе – вдруг пригодится?! Но надо с громиллой договориться, чтобы и он этой версии придерживался.

И Джек предложил громиле подумать на эту тему вместе. Громила одобрил план Джека, и они до обеда разрабатывали его. После обеда Джека вызвали на допрос. Но допроса не было. Ему надели наручники, затолкали в пикап и отвезли в тюрьму.

Джек не понимал, где же он прокололся. Он сделал все, что от него требовалось – разговаривал бандита. Даже если копы прослушивали весь их разговор, то Джек всегда мог сказать, что его план был лишь для того, чтобы втереться в доверие к громиле и выпытать из него еще что-нибудь интересное. Но с ним даже не стали разговаривать. Такова благодарность.

Первым делом Джека отвели в кабинет начальника тюрьмы.

На этот раз начальник вел себя, как и положено начальнику, даже сесть не предложил.

– Ну и дурак же ты Говард!

– Не понимаю. Я сделал все, о чем меня просили. Этот бандит все рассказал.

– Вот я и говорю, что ты дурак! Какой бандит? Что рассказал?

Джек часто заморгал, как будто соринка попала в глаз. А начальник тюрьмы продолжал витийствовать:

– Ты что думаешь, тебя вот так сразу без подготовки, без проверки на серьезное задание отправят? Бандит, говоришь? Это ты про сержанта Смита? Бедняга с тобой в одной клетке пять дней промучился, изо всех сил старался, а ты завалился в последний момент.

Джек стоял, понурюсь. Ну почему он такой доверчивый? Ну, словно младенец.

– У тебя есть последний шанс выйти отсюда через восемь месяцев – молчать об этой истории.

– Я буду нем, как карась.

– Вот именно, как карась. А иначе потонешь в этом болоте. А друзьям скажешь, что косил под психа, но тебя разоблачили. Свободен!

Джека отконвоировали в его камеру, где он был встречен друзьями с такой сердечностью, что ему стало неловко за мечты поскорее избавиться от их общества.

Глава 8

После так глупо рухнувших надежд время для Джека тащилось еще медленнее, чем раньше. Свобода была так близка, Джек уже ощущал ее дыхание у себя на затылке, но... права Джулия, неустанно повторявшая, что Джек рожден для несчастья. Но как бы не плелось время для Джека, отмеряя положенный ему срок, оно имело конец, за который его придерживал начальник тюрьмы.

Джек понимал, что ему предстоит еще одна беседа с этим человеком, и она состоялась. В обмен за досрочное освобождение Джек обещал не распространяться об истории, приключившейся с ним в тюрьме. Выбора у него не имелось.

Наконец ворота тюрьмы распахнулись, и Джек оказался на свободе. Его подкинули до ближайшего городка, и там он сел на автобус до Сан-Мартини.

У него имелось достаточно времени, чтобы продумать план действий. Первый визит – к Патрисии. Вдруг крошка свободна, и он сможет обосноваться у нее? Полтора года от нее не было ни слуха, ни духа, но кто знает? Если Патрисия его не ждет, то придется унижаться перед Джулией и просить деньги в долг, чтобы снять какую-нибудь дешевую квартирку. Затем он поищет непыльную работу и рассчитается с ней. Если же и с Джулией номер не пройдет, то есть еще пара приятелей, но у них особо не разжиреешь.

Все-таки иногда судьба баловала Джека. Патрисия оказалась дома и встретила его с распростертыми объятиями. Джек мечтал об этой минуте так долго, что не позволил Патрисии принять душ.

Патрисия даром время не теряла: у нее появился серьезный ухажер – Мартин Джейкс, врач-анестезиолог. Он даже сделал Патрисии предложение. Мартин уже был дважды женат и имел взрослого сына и дочь-тинейджера.

– Конечно, выходи! – сказал Джек, когда Патрисия поведала ему о своих сомнениях.

– Я ему в дочери гожусь!

– Ерунда, ведь у тебя есть я, – заверил Патрисию Джек и получил подушкой по голове.

– Я же с тобой серьезно советуюсь, а ты?

– Я тоже серьезно. Мужья приходят и уходят, а друзья остаются.

– От такого друга как ты есть лишь один прок!

– Для всего остального и существуют мужья!

Патрисия фыркнула и указательным пальцем поддела Джека под подбородок.

– Для чего существуют мужья, я спрошу у Джулии, – расхохоталась она.

Джек хотел обидеться, но быстро раздумал.

– Ладно, Джек, поживи у меня неделю, я скажу Мартину, что ты мой брат.

– Ты спятила, крошка, я же белый!

– М-да. Ну не подумала я. Расовые предрассудки! – Патрисия потрепала Джека по щеке. – Мартин без звонка у меня не появляется. Если что, погуляешь где-нибудь. А вещей у тебя нет.

– Найду, где жить, заберу вещи у Джулии. Мне надо ее навестить, у меня же нет ни гроша.

– Ты знаешь, тут я ничем помочь тебе не могу.

Утром они с трудом проснулись. Осеннее солнце, пробившееся сквозь занавески, рисовало затейливые узоры на переплетенных ногах Патрисии и Джека. Зазвенел будильник.

В прачечной утюг скучал по Патрисии и оставался холоден до ее прихода. Он привык к ее черным нежным рукам и с нетерпением ждал ее появления. Патрисия принадлежала ему пять часов в день, получая за свои услуги четыреста долларов в неделю, лучшую часть которых сжирала аренда миниатюрной квартирки.

Патрисия дала Джеку немного денег, и он мог позволить себе добраться до дома Джулии на такси. Но стояла отличная погода, на солнце было даже жарко, и Джеку захотелось раз-

мяться, а заодно пройтись по городу, в котором он отсутствовал почти два года. Беседы с сержантом Смитом в счет не шли.

Джек вышагивал по узким тротуарам, дышал полной грудью, вертел головой, мурлыкал мотивчик, прилипший к нему в тюрьме, и широко улыбался каждому встречному. Люди, как бы они не спешили на работу, отвечали ему столь же дружелюбной улыбкой.

Он наслаждался жизнью.

Дорога заняла почти полтора часа. Джек выбрал не самый короткий путь. Он прошел маршрутом, по которому проезжал много раз, возвращаясь от Патрисии домой. Ему показалось, что город стал чище и приветливее. Он поймал себя на грустной мысли, что жизнь продолжалась и без него...

Джулия оказалась дома. Она впустила Джека и усадила его в холле, а сама удалилась на десять минут в спальню, чтобы облачиться в деловой костюм. Демонстративно.

Усидеть десять минут на одном месте Джек не мог. Он принялся рассказывать по холлу. В нем почти ничего не изменилось: искусственный ковер на полу, столик с пишущей машинкой – рабочий уголок Джулии, обшарпанный диван, на котором любила валяться Джулия. Только исчез столик из-под телевизора, а сам телевизор переехал на сейф. Дверца сейфа была закрыта. Это привлекло внимание Джека, так как обычно они оставляли дверцу приоткрытой, чтобы в нем не застоялся воздух. Так велел хозяин квартиры.

Джек приблизился к сейфу и подергал за ручку: сейф был заперт. Это необычайно заинтересовало Джека. Он снова уселся на диван и засвистел. Но тут в холл вошла Джулия.

– Не свисти, Джек, денег не будет.

– Не каркай! – усмехнулся он, но тут же посерьезнел: Джулия попала в самую точку.

– Что скажешь? Зачем пожаловал? – холодно спросила она. – Я собиралась навестить маму, а теперь из-за тебя мне придется отложить поездку на неделю: у меня есть время только по вторникам.

– Чем ты так занята? – скорее, из вежливости, чем из любопытства, спросил Джек.

– Я записалась на курс психологии в университете.

– Полезное занятие, – безразлично сказал Джек.

– Выкладывай... А... хочешь забрать свои шмотки?

– Нет. Потерпи еще немного. Мне надо подыскать жилье.

– Поторопись. Мне уже надоело терпеть в квартире твое барахло.

– Я только вчера освободился.

Фраза получилась двусмысленной, и Джулия рассмеялась.

Они еще поговорили немного о пустяках. Джек пытался разжалобить Джулию рассказами о своих тюремных невзгодах, большую часть из которых он выдумывал на ходу. Джулия слушала с интересом. И даже делала пометки в блокноте, куда по обыкновению заносила интересные мысли и целые фразы, пришедшие ей на ум.

В конце концов, Джек решился.

– Послушай, Джулия, ты не могла бы одолжить мне немного денег, чтобы я мог снять квартиру?

Джулия отложила в сторону блокнот и приняла серьезный вид. Она не спешила с ответом: чувствовалось, что в ней происходит борьба. Победил здравый смысл.

– Но ведь ты, Джек Говард, никогда не вернешь мне долг, ты просто не сможешь этого сделать!

– Я устроюсь на работу и все верну тебе.

– Не смей меня, Джек. Про работу заливай своей чернозадой подружке! Может она подаст тебе.

– У нее нет денег.

– Ага, так ты уже к ней наведалься! Послушай, Джек, если бы у тебя была работа, я б еще подумала. А так... Я как предчувствовала, почти все сбережения вложила в накопительную программу, и их невозможно снять, когда мне, а точнее, тебе заблагорассудится.

Джек покинул Джулию раздраженным. Только зря потратил время. Ясно, что Джулия никогда не простит ему историю с ее романом. Джек поплелся на Филдс-стрит пешком: деньги следовало экономить.

Патрисия уже была дома: в прачечной отключили подачу электричества, уют временно охладил к ней и отпустил домой.

Еще пару дней Джек бродил по улицам, изучая объявления на стенах, предлагал свои услуги на бензозаправках, в закусочных, в мастерских. Но везде его вежливо просили зайти через неделю или через месяц. Идти на биржу труда он не хотел. Там бы его направили на стройку, а Джек боялся высоты.

На третий день Джек вернулся домой, по-прежнему не найдя работы, и не застал Патрисию. Она пришла спустя полчаса в прекрасном расположении духа.

– Мартин пригласил меня на ленч, он отвез меня в ресторан, который держит его приятель, и накормил осьминогом. Я приняла его предложение, – без умолку тараторила Патрисия.

– Ты хочешь сказать, что согласилась выйти замуж за Мартина?

– Да. Он хотел отвезти меня к себе, но тут позвонили из больницы. Что-то у них стряслось, и Мартина срочно вызвали.

– Как мне повезло, – сказал Джек, прижимая Патрисию к себе.

– Подожди, я приму душ, – выскользнула из его объятий Патрисия.

Стоило Патрисии выйти из ванной, как Джек подхватил ее на руки и отнес в спальню.

* * *

Доктора Джейкса ценили на работе. Хороший специалист, коммуникабельный безотказный работник. Весь женский медперсонал больницы заглядывался на него: высокий, статный, всегда подтянутый мужчина. И два неудачных брака за плечами... Но Джейкс не терял надежды. С Патрисией он надеялся дожить до глубокой старости. Эта веселая девочка воскрешала в нем молодость, с которой он преждевременно простился лет десять назад. А сегодня она дала ему согласие. Жаль, что у сменщика заболела жена, и он не пришел на работу. Испортил ему такой день.

Но долго переживать доктору Джейксу не пришлось. Хотя и с двухчасовым опозданием Скотт Хейнесс явился в больницу: жене стало легче, и он смог оставить ее одну дома. Мартин радостно пожал Скотту руку, снял халат и помчался за Патрисией.

По дороге он купил роскошный букет белых роз и бутылку шампанского. Ему удалось припарковаться возле дома Патрисии, и он поднялся на третий этаж, держа в руках букет и шампанское. Ему хотелось сделать Патрисии сюрприз. Он не стал звонить, а попробовал локтем надавить на дверную ручку. Дверь поддалась. Мартин Джейкс прошел в холл.

В холле царил беспорядок. Вещи валялись, как попало. Последний раз, когда Мартин был здесь, все сверкало, и чувствовалась рука хозяйки. Со стороны спальни доносились какие-то звуки, похожие на стоны, которых Мартин слышался в своей жизни. Он на цыпочках подошел к приоткрытой двери и просунул в дверной проем голову.

Его подруга оседлала какого-то мужика – Мартин мог разглядеть лишь его волосатые ноги. Она, запрокинув голову и постанывая, выписывала умопомрачительные кренделя своим аппетитным задом. От такого зрелища бедный Мартин остоленел, руки разжались, и сначала белые розы украсили каменный пол, а затем бутылка шампанского с жутким грохотом разлетелась на мелкие осколки, окатив Мартина до колена.

Но ничто не могло спустить любовников на грешную землю: они достигли той стадии совместного полета, откуда возврата уже нет. А когда они пришли в себя, Мартин сидел за рулем своей машины, выжидая, когда руки перестанут дрожать. Еще одной иллюзии пришел конец.

Глава 9

– Что это было? – спросила Патрисия, когда к ней вернулось дыхание.

– И чем это пахнет? – вопросом ответил Джек, приподнимаясь на локтях. – Откуда эти цветы?

Патрисия оперлась рукой о грудь Джека и села, свесив с кровати ноги. Нашупав тапки, она встала и подошла к охапке роз, плавающей в луже, источающей приятный запах. Патрисия принялась.

– Шампанское, – определила она. – Значит, это был Мартин... Проклятье! Я убью тебя, Джек!

Она и вправду накинулась на него с кулаками. Не ожидавший нападения Джек, пропустил пару тумачков, но сумел увернуться от остальных, перекатываясь на кровати. В конце концов, он ухватил Патрисию за руку и рывком повалил на кровать, а затем всем своим весом погасил ее атакующий пыл.

– Что я буду теперь делать? – вопила она. – Он ни за что не простит меня! Можно и не пытаться!

– Найдешь другого, – с циничной улыбкой предсказал Джек, вызвав у Патрисии последний всплеск агрессивности.

– Ты еще скажи, что у меня есть ты! Лоботряс несчастный!

– погоди, Патрисия, не шуми. У меня есть план.

– У него есть план! – не унималась Патрисия. – Скажите на милость! По тюрьме заскучал?

– Прекрати истерику и выслушай, – рявкнул Джек, и это подействовало. Патрисия попричитала еще немного в подушку и успокоилась.

– Какой банк на этот раз? – всхлипывая, спросила она.

– У Джулии дома стоит сейф.

– О боже. Джек, ты не исправим.

– Раньше сейф был всегда открыт. Иногда мы складывали в него грязное белье, чтоб даром место не пропадало. Но никогда его не запирали. Никогда. А сейчас он заперт. Возможно, у Джулии завелись какие-то драгоценности. В конце концов, я, как бывший муж, имею право...

– Ограбить свою бывшую жену, – закончила за Джека Патрисия.

– Зачем так грубо? Просто позаимствовать часть. Ведь она выставила меня на улицу без гроша в кармане.

– Ну, в этом она абсолютно права.

– Женская солидарность.

– Ты собираешься взломать сейф?

– У меня есть ключ.

– Откуда он у тебя?

– Ты меня недооцениваешь. Я давно сделал копии ключей от сейфа и квартиры. Я человек предусмотрительный.

– И где ты их хранил все это время?

– Не догадываешься?

– В кармане?

Джек рассмеялся.

– У тебя, дорогая. На самой верхней полке в шкафу, под бумагой.

– Я потрясена, Джек. Выходит, я соучастница.

– Пока нет. Но во вторник, когда Джулия отправится навещать мою бывшую тещу, станешь.

- Только этого мне не доставало! Я не достойна своих предков!
- Своих предков? Рабов?
- Если хочешь знать, Джек, мой прапрадед Джереми был рабовладельцем!
- Не знал, что в твоих жилах течет и белая кровь!
- В моих жилах течет только черная кровь, хотя она такая же красная как у тебя! – гордо заявила Патрисия, натягивая на себя тренировочный костюм.
- Понял. А рабы были белые? – с издевкой спросил Джек.
- Мой прапрадед был рабом у Стэнфордов. Наша семейная легенда гласит, что он спас жизнь своему хозяину на охоте, рискуя своей. Правда, уже через несколько месяцев Стэнфорд-старший скончался от банальной лихорадки. Перед смертью он поделил свое имущество поровну между своим единственным сыном и Джереми и даровал моему предку свободу. Конечно, младший Стэнфорд мог запросто разделаться с ним, но он любил своего отца и чтил его волю. Более того, он согласился продать Джереми свою половину усадьбы со всеми рабами. А их было несколько десятков. Но Джереми не зря считали умным. Он понимал, что если все это вылезет наружу, ему конец. Представляешь, он нанял Стэнфорда в качестве исполняющего обязанности рабовладельца и платил ему жалованье! Он платил жалованье и своим рабам. В итоге, когда с рабством было покончено, у его бывших рабов скопился небольшой стартовый капитал, и кое-кто из них смог открыть свою лавку или мастерскую!
- Неужели никто из соседей Стэнфорда ничего не учуял или сам Стэнфорд не проболтался?
- Стэнфорд держал язык за зубами: ведь и ему бы не поздоровилось. Но слушок пошел, и несколько раз на усадьбу устраивался налет. Но ведь Джереми с семьей продолжал жить в своей лачуге, а Стэнфорд занимал всю усадьбу. Так что налетчики быстро убеждались в необоснованности слухов и даже приносили Стэнфорду свои извинения.
- Замечательная рождественская история! Джулия бы сделала из нее роман.
- Возможно, в этой истории есть немного выдумки. Но дыма без огня не бывает. Когда-нибудь я расскажу ее своим внукам.

* * *

Во вторник утром Джек взял такси и добрался до Чайна-тауна. С уличного автомата он набрал номер телефона Джулии и убедился, что ее нет дома. Беспечной походкой он направился к своему прошлому обиталищу.

На всякий случай Джек позвонил. Подождав минуту, он открыл дверь ключом. В квартире было неприбрано: видимо, Джулия очень спешила к миссис Лестер. Но Джека ничего не интересовало, кроме сейфа. Он вспомнил историю, которую ему наплел сержант Смит, и фыркнул.

Джек мысленно поблагодарил Всевышнего за то, что сейф древней конструкции и не запирается шифром. Иначе проникнуть в него он бы не сумел, даже и не пытался бы. Нет, Джек бы обязательно попытался! Он ведь знал любимые словечки Джулии, дату и место ее рождения – так что вполне мог попробовать подобрать нужный код. Но сейф был времен Фрэнка Каупервуда и запирался обычным ключом.

Джек без труда открыл сейф. Его взору представилось грустное зрелище: стопка из шести-семи пухлых канцелярских папок и... больше ничего!

– Будь я проклят! – рассердился на себя Джек.

Он снял сверху папку и инстинктивно попытался сдуть с нее пыль. Но пыли не оказалось. Он развязал тесемки и открыл папку. Сотни три отпечатанных страниц – роман Джулии Лестер «Голос крови». Джек уселся на диван и погрузился в чтение. Убийство произошло уже на одиннадцатой странице, а это не соответствовало интересам Джека.

Убить человека Джек не мог. Он не мог убить никого. Сама идея убийства претила ему. Панический ужас охватывал его при виде крови. Как-то его обожаемая четырехлетняя сестренка Беренис порезала палец. Ее и без того большие голубые глаза сделались огромными: она с ужасом и любопытством вперемешку наблюдала, как из ее задранного вверх среднего пальчика медленно вытекает красный ручеек. Джеку было на два года больше, и он при этом зрелище бухнулся в обморок. Бедная мама не знала, за какое дитя раньше хвататься.

Он аккуратно сложил страницы, завязал папку бантиком и водрузил на место.

– Черт побери! Какого черта она хранит свою писанину запертой в сейфе! Неужели она воображает, что это так ценно? – спросил Джек, по-видимому, у сейфа.

Сейф в ответ возмущенно скрипнул.

Джек вытащил наугад еще одну папку из середины стопки и вернулся на диван. Ему в руки попал роман «Жизнь и приключения Патрисии Иствуд». Джек хмыкнул, ведь Джулия не знала имени его подружки. Он стал читать. Поначалу было скучно. Действие разворачивалось медленно, а затем у главной героини начались проблемы. Литературное произведение не может обойтись без проблем. Иначе кто же станет его читать? С этого момента роман полностью захватил Джека. Он утратил счет времени и забыл, ради чего пришел сюда. Джек взглянул на часы, когда в конце первой части Патрисия Иствуд рассталась со своим женихом. Еще пара часов, и Джулия может вернуться.

Он достал из кармана припасенный заранее непрозрачный полиэтиленовый мешок, положил в него папку и стал припоминать в Чайна-тауне фотоателье, где можно было снять копию с документов. Он запер сейф и квартиру и отправился на поиски. Ему удалось быстро найти нужную лавку. Поторговавшись, он получил скидку при условии, что справится с копировальным устройством самостоятельно. На середине работы кончилась бумага, и круглолицый китаец с ущербной бородкой принес ему еще пачку. Работа отняла с полчаса, и Джек поспешил обратно. Он сунул папку с романом на место.

Наскоро просмотрев названия других романов, он запер сейф, предварительно убедившись, что стопка уложена аккуратно и не выдаст его вероломного вторжения. Ему хотелось вернуться сюда при первой же возможности: названия романов заинтриговали его. Все они намекали на тайну, но не выдавали ее.

Он возвращался пешком. По дороге он сделал несколько передышек – заходил в скверики и усаживался на пустовавшие скамейки. Ему не терпелось узнать о приключениях Патрисии Иствуд. Чем дальше развивались события, тем отчетливее Джек представлял свою Патрисию, Патрисию Робертс, на месте Патрисии Иствуд.

Но как ему убедить Патрисию, эту горделивую барышню, кичащуюся своим предком, несмотря на цвет кожи, бывшим рабовладельцем? Деньги и только деньги. Ведь не любовь же толкнула ее в объятия Мартина Джейкса? К тому же этот докторишка не был сказочно богат. Значит, много денег не потребуется.

Выстраивая планы на будущее, Джек незаметно добрался до Филдс-стрит. Он решил отложить разговор с Патрисией: ему хотелось сначала дочитать роман до конца.

Глава 10

Патрисия не поверила Джеку и даже вытряхнула содержимое полиэтиленового пакета, чтобы убедиться, что Джек не пытается утаить от нее драгоценности бывшей жены. Пачку машинописного текста она с презрением швырнула на стол.

– Ты хочешь меня убедить, что она собирает макулатуру и хранит ее в запертом сейфе? Тебе не удастся меня провести! – в ее голосе проскальзнули угрожающие нотки.

– Пэт, ты же знаешь, Джулия писательница, и ее романы для нее представляют ценность. Она всегда говорила мне, что относится к своим рассказам, как к собственным детям. Что же говорить о романах?

– Но какого дьявола ты это приволок?

– Я снял копию. Я тебе все объясню потом.

Любопытство восторжествовало, и Патрисия немного успокоилась. Чтобы переключить ее внимание, Джек спросил:

– Как поживает доктор Джейкс? Ты не пыталась помириться с ним?

Ее внимание переключилось, но не на Мартина, а на него. Гнев охватил Патрисию, и она вновь налетела на Джека с кулаками. Когда-то он любил смотреть боксерские поединки и помнил прием, которым пользовались обессилевшие боксеры: они из последних сил обнимали противника, мешая ему работать кулаками. Джек крепко обхватил Патрисию, и она извивалась как удав на сковородке, пока силы не покинули ее. Джек аккуратно опустил Патрисию на диван.

– Я звонила ему на работу, но он через медсестру передал, чтобы я больше не звонила. Тебе говорили, что ты мерзавец, Джек? Или ты сам это знаешь?

– Успокойся, все будет хорошо.

Патрисия не поверила, но оставила его в покое.

Через два дня, дочитав роман Джулии и продумав план действий, Джек решил выложить карты на стол.

– Ты должна прочитать этот роман! – заявил Джек Патрисии, когда та вернулась с работы.

– Я еще не сошла с ума, – ответила Патрисия, усаживаясь перед телевизором. – Если этот роман заслуживает внимания, то по нему снимут фильм или даже сериал. И все дело займет час-другой. А чтобы прочитать все это, мне понадобится месяц!

Ответ Патрисии не явился неожиданным для Джека. Он и не предполагал, что она послушно примется за чтение.

– Но мы не можем ждать несколько лет. Даже месяц – это слишком.

– Мы? – удивилась Патрисия.

– Именно, мы, дорогая! Если ты оторвешься от телевизора, то я за десять минут изложу тебе суть романа.

– Ты зануда, Джек, но я ничего не могу поделать со своим любопытством. – Патрисия выключила звук, но и после этого какие-то люди на экране телевизора все еще молча и увлеченно размахивали руками.

– Я не собираюсь пересказывать тебе весь роман, только расскажу главную идею.

– Ладно. Я дождусь экранизации.

– Так вот. Одна девушка поругалась со своим женихом...

– Ты вздумал издеваться надо мной? – Патрисия вскочила с дивана и стала искать подходящий предмет, чтобы запустить им в Джека.

– Нет! Сядь же. Именно это происходит с героиней, и я не виноват, что она тоже рассталась с женихом.

– А кто, по-твоему, виноват? – грозно спросила Патрисия.

– Она сама. Просто он ей разонравился. Это не важно. Кстати, ее зовут Патрисия.

– У твоей бывшей женушки просто пророческий дар.

– Так вот, у Патрисии с женихом был договор, по которому Патрисия должна была уплатить десять тысяч баксов в случае разрыва помолвки. Для нее это большие деньги, и взять их было нелегко. Жених же уперся и требовал деньги. В этот момент она познакомилась с богатым человеком, который, узнав о ее проблеме, просто выписал чек на имя жениха. Она была очень благодарна ему, но он не нравился ей как мужчина. Все-таки она отблагодарила его, но дала понять, что их роман не имеет продолжения.

– Одобряю, – вставила Патрисия. – Я поступила бы также.

– А потом Патрисия задумалась. То, что так легко получилось у нее один раз, почему бы не проделать еще и еще?

– Замечательная идея, и я начинаю догадываться, для чего ты все это мне рассказываешь.

– Ты умница.

– А теперь скажи мне, Джек, сколько ей дали?

– Ты чего, Пэт?! Она не нарушала никаких законов. Ей мужчины добровольно дарили деньги. Но кончила она действительно плохо. Ну, не так плохо, как ты думаешь. Просто ей пришлось выйти замуж за одного старикана, который отвалил ей десять тысяч, но заключил с ней договор на пятьдесят. Она пыталась увильнуть от договора, но у нее ничего не вышло. Тогда она попыталась скрыться, но старикану удалось разыскать ее. У нее не было денег откупиться от него.

– Но это не так страшно. Стариканы долго не живут.

– Ну, это как повезет. Ее старикан занимался спортом и собирался жить вечно.

– Так чем дело кончилось?

– Она убивает его.

– О, боже мой! И ты предлагаешь мне?..

– Я не предлагаю тебе никого убивать. Просто надо работать аккуратней. Какого черта она подписала договор на пятьдесят тысяч? Надо было оставить эту затею, как только старикан заговорил о договоре. Она совершила легкомысленный поступок, который потянул за собой все остальное.

– Предположим. А какова твоя роль?

– Я буду играть роль твоего жениха. Мы заключим с тобой договор. Как ты думаешь, может, стоит уменьшить сумму до пяти тысяч?

– Нет! Ее стоит увеличить! Пусть будет пятнадцать или даже двадцать тысяч!

Патрисия проглотила наживку.

– Превосходно! По десять тысяч каждому! – воскликнул Джек.

– Это грабеж, приятель! Только что ты предлагал мне брать за работу пять тысяч, а теперь ты хочешь десять себе.

– Просто, поровну – самый справедливый дележ.

– Особенно, когда другой делает всю работу. Нет, Джек. Тебе пять, а мне пятнадцать тысяч и ни цента меньше!

Джеку пришлось согласиться. Но он вытребовал, чтобы адвокату заплатила Патрисия. И все прочие расходы тоже ложились на нее. Патрисия поворчала, но согласилась: она-то знала о плачевном состоянии финансов своего дружка.

Они скрепили свой союз в постели, и Джеку пришло в голову, что когда-нибудь он принудит Патрисию выполнить их договор.

На следующий день они нанесли визит в адвокатскую контору. Джек знал адвоката, и тот согласился за пару сотен сверху проставить под договором дату трехмесячной давности. Сутолый крючоктвор окинул их ехидным взглядом поверх очков, едва держащихся на кончике хищного носа, и заверил подписи Джека и Патрисии. На прощание он пожелал им счастья и

напомнил заповедь «Плодитесь и размножайтесь!». Чтобы доставить ему удовольствие, Джек и Патрисия поцеловались.

Теперь следовало приступить к поискам подходящего лоха. Так Патрисия и Джек называли между собой будущую жертву их заговора. Лучше всего было бы проникнуть в какой-нибудь клуб. Но все они либо представляли собой закрытые сообщества, либо требовали слишком большую плату за вступление.

Им подсказали ресторан, где меню было с двадцатипроцентной скидкой, но в вечерние часы за вход взималась плата в размере ста долларов. Первый раз они сходили туда вместе. Джек оказался неплохим учеником, и Патрисия научила его дергаться в такт музыке. Атмосфера в ресторане благоприятствовала знакомствам: музыка, танцы, заводной диск-жокей, какие-то конкурсы. Публика респектабельная – входная плата четко отсеивала случайных посетителей. Много одиноких мужчин.

Через несколько дней Патрисия отправилась в это заведение одна. А на третий вечер у нее появился постоянный кавалер: плотный негр лет сорока пяти, не пожелавший раскрыть свой род занятий и представившийся Джимми Кантреросом. Говорил он с легким испанским акцентом. Его родители были кубинскими эмигрантами.

Джимми Кантрерос принялся за дело со свойственной ему серьезностью. За две недели знакомства с ним Патрисия посетила больше выставок и музеев, чем за всю предыдущую жизнь. Она и не подозревала, что это может быть ей интересно. Джимми знал массу всяких забавных вещей и с удовольствием рассказывал их Патрисии. Он был очень заботлив и внимателен по отношению к ней. Ей нравилась его улыбка, не сходящая с лица, и цвет кожи – намного светлее, чем у нее.

Джек торопил Патрисию – ему не терпелось проверить идею Джулии на практике. Наконец Патрисия согласилась, что пришло время действовать. Вечером она обедала с Джимом.

Она пришла на свидание с постной физиономией, на что Джимми не мог не обратить внимания.

– Тебя сегодня не узнать. Где та веселая девушка, с которой я привык общаться? – спросил он.

– У меня проблемы.

– Я могу чем помочь?

– Не знаю даже. Мой бывший жених, помнишь, я тебе рассказывала?

Кантрерос кивнул.

– Он требует от меня денег.

– За что? С какой стати?

– По договору. При обручении мы подписали договор.

– И сколько ты ему должна?

– Двадцать тысяч, – сказала Патрисия и зарыдала.

– Да, это не шутки. Но настоящий мужчина не стал бы требовать деньги, даже при наличии договора. Ты права, что оставила его.

– Я передумала выходить за него замуж, а он прежде, чем смирился с этим, дважды поколотил меня, – для пущей убедительности соврала Патрисия.

Ученые подсчитали, что среднестатистический человек двести раз в день говорит неправду. В этот вечер Патрисия явно перестаралась.

– Я бы хотел потолковать с этим парнем. Не могла бы ты пригласить его, скажем, завтра вечером в сквер на Маркет-стрит?

– Я попытаюсь, – пообещала Патрисия и всхлипнула.

Джек удивился желанию Джимми. Он рассчитывал, что тот ограничится изучением договора, а Кантрерос даже не поинтересовался им. Джеку давно хотелось взглянуть на своего мнимого «соперника», так что он колебался не слишком долго.

Джек пришел вовремя. Патрисия и Джим Кантрерос уже поджидали его у входа в сквер. Кантрерос правой рукой ухватил Джека за галстук, а левой расквасил ему нос. Галстук натянулся, но выдержал натяжение. Вторым ударом Джим заехал Джеку в челюсть и отпустил галстук. Джек рухнул наземь. Вокруг стали собираться зеваки.

– Пойдем, дорогая. Я думаю, что был достаточно доходчив. Не думаю, что этот парень посмеет еще раз заговорить о деньгах.

Джим взял Патрисию под руку, и они скрылись с места происшествия.

Какой-то парень помог Джеку подняться. Нос кровоточил, и Джек приложил к нему носовой платок. Говорить он не мог, так как любое движение челюстью оборачивалось пронзительной болью. Случайно оказавшийся среди зевак врач пощупал челюсть Джека и заверил, что перелома нет, но вполне возможна трещина. Ему лучше обратиться в свою поликлинику и недели три ограничиться жидкой пищей. Кто-то остановил такси, и Джек отправился домой залечивать раны.

Патрисия не вернулась домой. На следующий день она позвонила Джеку и сказала, что Джим Кантрерос сделал ей предложение, и она приняла его. Она надеется, что Джек поймет ее, а в качестве компенсации поживет в ее квартире еще пару месяцев, за которые все равно уже уплачено.

Джек ее понял, и компенсация его устроила: дармовая крыша над головой ему не мешает. Пусть даже на два месяца. Это больше, чем ничего.

Глава 11

Две недели Джек просидел на диете: варил себе каши из разных круп, которые обнаружил в запасниках Патрисии, покупал творог в лавке рядом с домом, пару раз побаловал себя картофельным пюре. Челюсть болела уже меньше, и, чтобы ее разработать, Джек распевал блатные песни из тюремного репертуара.

Заняться ему было нечем. Единственной книгой в доме у Патрисии оказалась Библия. Никакого желания ее читать у Джека не было, скорее он стал бы смотреть телевизор. На третий день вынужденного домашнего ареста он вспомнил о библиотеке. Он честно признался самому себе, что ему хочется увидеть Мари. А книги – это хороший предлог.

Но Мари уже не работала в библиотеке, а поинтересоваться ее судьбой Джек постеснялся: челюсть не позволяла ему сколь-нибудь пространно изъясняться. Он написал на листке бумаги название книги, и ему принесли «Финансиста». Он полистал его с полчаса и захлопнул. Разбираться в тонкостях финансовых дел полуторавековой давности теперь ему было скучно.

Он вышел из библиотеки, закутался в плащ, втянув руки в рукава. С океана тянуло сильным холодным ветром. Джек поежился и ускорил шаг. По дороге домой он думал о грустном. Патрисия оставила его, и с этим следовало смириться как с неизбежным. От женщины ничего другого не следовало и ожидать. Рано или поздно это должно было случиться. Еще хорошо, что она не вышвырнула его на улицу, и у него есть два месяца, где жить.

Тут его посетила неожиданная мысль: ведь в его руках договор! А что, если и вправду потребовать с Патрисии отступные? Ну, может, не двадцать тысяч, а хотя бы пять. Ведь это его недополученная прибыль!

Джек заглянул к адвокату, заверившему их договор. Услышав о чем речь, крюкотвор ссутулился еще больше: еще немного и он достал бы носом бумаги, завалившие весь стол. Он почесал карандашом за ухом и объяснил Джеку, что у него нет шансов получить что-нибудь через суд. Любой адвокат легко добьется признания их договора недействительным из-за расхождения в датах. Ведь если Патрисию прижать к стенке, она все расскажет. Его единственный шанс заключается в том, что она испугается и выплатит ему компромиссную сумму, чтобы избежать разбирательства в суде. Но Джек знал, что и этого шанса у него нет: Патрисия не испугается. Боль в челюсти была убедительней, чем доводы адвоката.

У него остались сомнения. Джеку было ясно, что адвокат опасался огласки махинации с датой, но, в то же время, его доводы звучали логично. Но обращаться к другому адвокату Джеку не хотелось.

По пути домой он подумал о Джулии. На какой-то миг ему захотелось пойти к ней и бухнуться на колени. Унижение он бы пережил. Но он прекрасно понимал, что на прощение нет ни единого шанса. Скорее он выиграет в лотерее, чем разжалобит Джулию. Джек вспомнил про стопку ее романов. Но что ему с того? Ведь он теперь на заметке у полиции, и случись что наподобие преступлений, выдуманных Джулией, она бы первая донесла на него. А уж та достанет его из-под земли.

Пока ученые спорят о возможности добычи энергии из вакуума, некоторые индивидуумы наловчились извлекать идеи из ничего. А как иначе рождаются идеи? Ведь Джек всего секунду назад не имел представления, чем ему заняться, но вот секунда прошла, и он готов кричать на всю улицу: «Эврика!» А ведь все так просто: в тюрьме Джек обзавелся друзьями – он поделится с ними разработками Джулии, а те возьмут его в долю! Доверять им можно, все как на подбор честные малые, да и Джек удовольствуется десятью процентами и символической суммой в качестве задатка.

В ближайший вторник с раннего утра Джек установил слежку за домом Джулии. Он прождал до одиннадцати, промерз, но Джулия так и не вышла.

Еще одну неделю Джек провел в мечтах. Чтобы уж совсем не терять время, он однажды вечером добрался до бара на Алабама-стрит, где надеялся застать Коротышку. Этот мексиканец промышлял мелким воровством, и был пойман с поличным. Он освободился на месяц раньше Джека и на прощание сказал, что если что, его всегда можно найти в «Дряхлой лошади».

Диего Баррос, прозванный Коротышкой за свой рост, превышающий шесть футов и два дюйма, оказался на месте. Он долго и радостно тряс руку Джеку. Джек не собирался раньше времени раскрывать карты – он просто хотел убедиться, что может в любой момент разыскать Коротышку. Он угостил мексиканца выпивкой, поспрашивал об общих знакомых, а затем оставил того допивать виски в одиночестве, пообещав появиться здесь как-нибудь еще.

В следующий вторник Джеку сопутствовала удача. В восемь утра Джулия вышла из дома, прошла пару шагов, на секунду приостановилась, а затем вернулась обратно: судя по всему, она что-то оставила дома. Через минуту она появилась вновь, нажала на кнопку электронного ключа, и ее форд отозвался условленным свистом.

Джек внимательно следил за происходящим из телефонной будки, делая вид, что разговаривает по телефону. Он не узнал свой форд, так как Джулия перекрасила его в «металлик». Когда машина скрылась за углом, Джек повесил трубку, натянул резиновые перчатки и спокойным уверенным шагом направился на дело.

Он не планировал снимать копии со всех романов: на это у него просто не хватало денег. Он собирался хорошо полистать их и выбрать один. У него не было уверенности, что Джулия уехала навещать свою мать, а не отправилась по каким-то своим делам. Так что ему следовало поторапливаться.

Джек извлек из сейфа вторую сверху папку, разместился поудобнее на диване, развязал тесемки и достал рукопись. Он раскрыл ее наугад и начал читать.

«Доктор археологии Эммануэль Каспар снял очки. Он сделал это вовремя. Они уже перевалили через горбинку его семитского носа и скользили под откос. Я из последних сил сдерживался, чтобы не поправить их, и это мешало мне сосредоточиться на словах профессора. Каспар увлекся и принялся читать мне лекцию».

Для Джека этого было достаточно, чтобы вообразить, что ждет читателя дальше. Он неплохо изучил приемы Джулии и не сомневался, что если на первых страницах появляется доктор археологии, то речь пойдет о грабителях-гробокапателях. Не исключено, что и сам доктор не без греха. Джек призадумался. А может, это и не такая плохая идея? По крайней мере, можно рассчитывать, что ограбленные покойники не подадут жалобу в полицию. Да и занятие это не требует большого умственного напряжения, так что оно вполне по силам Коротышке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.